

An aerial, painterly view of a city, likely Prague, featuring a prominent cathedral with multiple spires in the upper left, a wide river flowing through the center, and dense urban architecture with red-tiled roofs. The scene is lush with green trees along the riverbanks.

Тудасюдакл

Треск реальности

Тудасюдакл
Треск реальности

«Автор»

2026

Тудасюдакл

Треск реальности / Тудасюдакл — «Автор», 2026

Появление обширных территорий из 1949 года в 1854-м году изменило ход истории и изрядно "обкорнало" Российскую империю. Но события продолжают идти своим чередом, и изменения углубляются. Причём достигаются они не одной силой оружия, а и кропотливыми ежедневными делами...

© Тудасюдакл, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Перемены ускоряются	5
Глава 2. Края запада и востока	10
Глава 3. Рутинa практическая	15
Глава 4. Недовольные делают ход	20
Глава 5. Приходится действовать	25
Глава 6. Активный поиск	30
Глава 7. Отлом в сторону	35
Глава 8. Тихоокеанская рапсодия	41
Глава 9. Военные перспективы	46
Глава 10. Адаптация	52
Глава 11. Переселенческая реформа и новая программа	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Треск реальности

Глава 1. Перемены ускоряются

19 апреля 1856 года в королевском дворце в Мадриде стояла нервная, наэлектризованная атмосфера. Правительство собралось в полном составе, чтобы обсудить внезапно замаячивший перед страной шанс – выскочить всё же из петли, которую ей как будто уготовила история, и открыть дополнительные возможности. При этом обе влиятельные группировки испанского истеблишмента – и либералы, и консерваторы – не были готовы поступиться своими принципами. Если первые опасались, что сближение с новым глобальным игроком спутает все карты, помешает выдержать устойчивый баланс европейских дел, то вторые, напротив, больше тревожились из-за возможного влияния уже на внутренние дела.

Диалог открыл министр финансов:

- Безусловно, очень хорошей новостью для нашей страны стало возвращение Гибралтара, даже таким, гм, экстравагантным образом. Однако же это повлекло и дополнительные проблемы сразу: нам придётся теперь больше средств тратить на армию и флот. Гораздо больше, ибо на востоке Европы нам ясно дали понять, что если сам Гибралтар и омывающие его воды защищать станут, то вот удалённые территории, наши колониальные владения придётся оборонять самим. Да и то, Гибралтар будут оберегать, это ясно, лишь потому, что это позволит держать англичан на расстоянии от их собственных владений. И если вдруг новая сила решит стакнуться с самими англичанами...

- Ну, это настолько невероятно для них, что можно не принимать такую опасность в расчёт..., - с улыбкой ответила королева.

- Ваше величество, - министр иностранных дел сразу встал со своего внушительного плетёного кресла, и пару раз обмахнулся при этом веером, - в международных политических делах нет ничего невозможного. Те же англичане и французы менее 30 лет назад совместно с российским флотом одержали одну из величайших побед в истории морских войн. Что ничуть не помешало им выступить против него со всей страстью и энергией, которые только могут быть свойственны этим нациям...

- Полагаю, - тут уже обратился к остальным военный министр, и даже самый тембр его голоса показывал всю серьёзность намерений, - мы не сможем остаться в стороне в любом случае. Значит, единственное, что мы можем и должны сделать, так это определиться, кто же нам ближе теперь? Ставка на кого из внешних игроков позволит Испании укрепиться и сохранить своё положение?

В диалог счёл нужным вмешаться уже министр морской:

- Господа, неужели всё ещё непонятно? Даже если бы англичане пожелали, они просто не смогли бы продвинуть вперёд хозяйство нашей страны, поставить хорошие машины и снабдить множеством полезных вещей в той же степени, в какой на это способен наш юго-восточный сосед.

Министр юстиции осторожно возразил:

- Покупка отличных машин, внешняя торговля, даже, возможно, укрепление армии и флота это, безусловно, хорошее начинание. Однако, не проникнут ли вместе с первоклассными товарами, с военной поддержкой на нашу испанскую землю ещё и опаснейшие мысли, по сравнению с которыми помыслы самых свирепых деятелей Конвента чисты и безгрешны?

Глава внешнеполитического ведомства сразу парировал этот выпад следующим образом:

- По моему мнению, наша страна достаточно тиха и уверена в себе, чтобы поддаться на дурацкие рассказы, даже если они подкрепляются как будто материальными благами. Благо-

творное влияние на умы людей, которое оказывают наши святые отцы, не так-то просто вышибить, даже показывая совершенно немислимые летающие машины...

Но его тут же прервал министр финансов.

- По-моему, вы все упускаете из вида важнейшую деталь. Если мы начнём не просто пользоваться нашим «средиземноморским подарком», но и постоянно сотрудничать с новой силой, создадим и будем увеличивать торговлю с ней, то нам попросту откажут в британских и французских кредитах. Более того, покупатели этих стран могут отвергнуть наши товары, что сразу нанесёт тяжёлый удар по всем финансовым делам королевства. Получится ли быстро закрыть эту дыру, или же произойдут действительно серьёзные бедствия народные, опустошится казна и разорятся многие тысячи торговцев и промышленников, заранее сказать нельзя. Я бы даже счёл именно такой плохой исход очень вероятным.

Вердикт всё же остался за монархом. Решительно обведя глазами собравшихся, она заявила:

- Как бы то ни было, наши новые соседи очень сильны. И ссориться с ними опасно, а вот воспользоваться любой возможностью, чтобы укрепиться самим, вполне разумно. Английский сбыт и французские поставки, конечно, очень важны, но они же важны не в меньшей степени и для самих французов и британцев, которым отнюдь не понравится, если будут разом разорваны все сделки. Это может означать скорее близкое начало войны, чем простой ответ на неудобные действия Испании. И в подобном случае первым врагом властей в Лондоне и Париже станут, конечно, влиятельные финансовые круги, которые понесут дополнительные убытки, плюс «улица», поскольку столь жестокий крах никому, понятное дело, не будет по вкусу.

Надо сказать, что возражавшие прежде министры остались всё равно каждый при своём мнении. Однако явственно высказывать недовольство не торопились, предпочтя оставить его до удобного случая. Когда можно будет сказать: «вот видите, а я предупреждал, что именно вот так и будет». И, кроме того, они опасались ещё всё-таки сесть в лужу со своими негативными прогнозами, потому что теперь, когда всё стало очень резко меняться, ожидать можно буквально всего, чего угодно.

Как ни странно, круги подчёркнуто монархические испытывали сейчас скорее сдержанную радость, рассчитывая использовать поворот внешней политики страны для укрепления своих позиций. Когда наступил поздний вечер, и сумерки стали ощутимо сгущаться, в гостиной одного из солидных аристократических особняков собралась весьма представительная компания. Нельзя сказать, что там был представлен «весь цвет консервативного Мадрида», но именно в таких местах, при стечении сравнительно широких кругов публики, и решались в итоге многие вопросы политики, причём решения эти сложно было бы игнорировать даже самым авторитетным монархам.

- Итак, как далеко мы можем зайти в этом отношении, чтобы не потерять себя?

- Ровно настолько, чтобы чувствовать себя в безопасности от поползновений других наших соседей.

- Может быть, попробовать одновременно, для баланса, сблизиться и с янки?

- Нет, это было бы непростительной ошибкой. Ведь, как мы уже знаем, именно господа с берегов Потомака стали главными виновниками нашего краха. И им тоже об этом прекрасно известно, так что есть даже прямой резон постараться отнять у нас те же Филиппины и Кубу раньше, чтобы мы не подготовились...

- Ну и каким образом предполагаемый союз поможет нам отстоять эти владения? Ведь очевидно, что радикалы не станут заведомо заботиться об охране наших дальних земель, им это попросту не нужно?

- Самое главное, что сам факт сотрудничества с ними станет для нас дополнительным щитом. Ведь не так важно, чего на самом деле хотят в Сталинграде и что они объявят публично, как то, что они могут сделать. Кроме того, мы сможем перераспределить свои силы,

больше внимания уделить именно обороне удалённых мест. И, наконец, даже если нам не продадут серьёзное оружие (а так скорее всего и будет), то всё равно мы сможем пополнить казну, улучшить деловые обороты...

- Только смотрите, сударь, как бы расширение этих оборотов не ударило по нашим же дворянским интересам. И без того землевладельцы страдают сейчас, а вы предлагаете отдать ещё и инициативу в руки самым лютым мятежникам.

- Будьте насчёт этого спокойны: мы постараемся добиться, чтобы именно нам, Мадриду, а не каким-либо внешним силам досталась максимальная выгода от сотрудничества. И уж конечно проследим, чтобы не происходило покушений на наши латифундии. Не говоря уже о том, что, присылая солдат в наши заморские владения, мы покажем эту силу не только янки или британцам. Мы заставим отказаться от сумасбродных идей о независимости даже и тех, кто желал бы получить её скорее.

- И, что немаловажно, сотрудничая с лютыми республиканцами, мы закуём им руки. Они бы, может быть, и захотели бы сразу или потом оказать поддержку своим единомышленникам в наших колониях. Но не смогут, потому что оппозиция сама будет твёрдо помнить о тех услугах, которые они окажут испанскому престолу.

- Ну, все союзы в политике преходящи, и кто знает, что они станут творить в тех же колониях, с кем якшаться.

- Для этого у нас есть особые люди. Не их министерство безопасности, конечно, но тоже кое-чего могут и умеют. И – в случае необходимости – жёстко и без всяких сантиментов пресекут любые вольнолюбивые настроения.

- Что-то в тот раз не пресекли.

- В тот раз мы были сильно заняты внутренней безопасностью в Европе, связаны необходимостью противодействовать игре великих держав. И, кроме того, отнюдь не знали, кто из смутьянов особенно опасен. В этот раз можем действовать с упреждением. Вот, например, проклятого Хосе Марти уже определённо воспитать в правильном духе. Мы сделаем из него настоящего католического льва, который за королевские интересы сам кого угодно зубами рвать станет.

- Ещё бы перетряхнуть всё это училище Сан-Пабло, которое стало убежищем самого отъявленного вольнодумства...

- И над этим уже старательно работаем. Полиции дан негласный карт-бланш, без особой жёсткости и огласки пока. Нет никакой необходимости, чтобы радикалы насторожились и залегли на дно, пусть они думают, что мы ещё ничего не знаем, и можно преспокойно плести свою сеть. А потом мы раз! – и накроем их всех в их же логове. Заранее отследив каждую связь и точно зная, куда идти, чтобы обнаружить при обыске недозволенную литературу.

- А не попросят ли нас поступиться, в свою очередь, нашими интересами в Италии?

- Вряд ли. Для восточных людей итальянские дела малоинтересны вообще, наши дипломаты уже вскользь вступали с ними в беседы, и не раз, и неоднократно получали подтверждение, что никакого стремления закрепиться на полуострове нет.

- Так ведь понимаете, что дипломатическое заверение – оно до поры только действует. Да и теперь даже, если курс скрыто поменялся, уведомлять о том нас не станут. За улыбками крайне просто скрыть любой шаг, даже вторжение внезапное в Королевство Обеих Сицилий.

- Это верно, но другое тоже важно – империя трёх континентов сейчас взяла уже огромное количество земель. И пока она их не встроит в свои порядки, двигаться вперёд не стоит им самим. Как бы они не были сильны, это самонадеянно. То же самое, как если бы полководец принялся бросать в атаку свои войска, просто посчитав, что их больше, чем у врага, а о крепости тыла и надёжности позиции вовсе не думал бы.

- Хорошо, на этом тогда и остановимся. Сотрудничество налаживаем, но в ограниченном масштабе. И зорко следим, чтобы крамола заморская на нашу землю не просочилась подспудно.

- А если захотят, к примеру, показать эти свои фильмы, да со всякой срамотой сомнительной?

- Вот когда захотят, тогда и будем решать, что делать далее. А пока – никаких резких шагов и заявлений. Ещё не хватало, если обо всех этих наших беседах доложат соглядатаи британского посольства. Тогда уже всё, пиши пропало. Роял Нэви не замедлит явиться и раздолбать все наши порты и береговые укрепления, высадить десант. По суше же двинутся лавины французских войск, которые, без сомнения, уже готовы к этому.

- Вы думаете, что они пронюхали всё-таки уже?

- А тут и пронюхивать особо нечего. Потому как передача нам Гибралтара есть несомненный факт, перед которым вынужден склониться даже самый недалёкий милорд. И поэтому, конечно, и в английском, и во французском военном министерстве тщательно готовятся к вводу войск на наш полуостров. Не только потому что мы можем склониться к сотрудничеству, но и из опасений, что нас попросту будут захватывать. И вот в этом случае уже бездействовать для великих держав станет попросту немыслимо, несмотря на все опасности такого шага. Поэтому не удивлюсь, если уже разведываются на всякий случай маршруты, подтягиваются к границе войска, офицеры получают распоряжения, как действовать при получении такого приказа на марш. Да даже те же склады заранее наполнить провиантом, порохом и пулями вполне разумно.

- Разумно? Так ведь в Лондоне и Париже кто угодно, но не дураки. Должны же там отчётливо понимать, что нет никакой угрозы, что нет резона вторгаться к нам, если можно попросту договориться – или вообще нас игнорировать, и что лишнее разбухание – последнее, что нужно юго-восточному соседу сейчас?

- Умом они это понимают, возможно. Но вот страх, сидящий глубоко внутри, говорит иначе. И этот оратор громче любого довода истины. Он подсказывает, что нужно остерегаться и предотвращать опасность любой ценой. Он заставляет видеть риск экспансии там, где его нет. Тем более что как раз такой страх выгоден и удобен правительствам великих держав. Он позволяет им прочнее держать свои нации в глубоком подчинении. Собственно, эта подчиняемость и так высока, но лишний обруч на бочке, сами понимаете, не помешает. Особенно когда эту бочку приходится везти по тряской и шумной дороге...

- Вы полагаете, что якобинская дурь не повлияет на нации европейских стран и не заставит их жителей отшатнуться от своих правительств?

- Конечно же, нет. Ведь даже в том самом следующем веке, о котором мы уже порядочно наслышаны, этого не произошло, хотя усилия прилагались просто огромные. Но нет, искушение не сработало. И сейчас нет оснований опасаться, что будет как-то иначе. Потому как люди привыкли доверять нам, а также императору Наполеону и королеве Виктории. Всякие зарубежные горлопаны заведомо обречены оставаться людьми ничтожными и удалёнными от реальных дел.

- Даже несмотря на превосходство в машинах?

- Да, даже несмотря на него. Благоразумия и смирения не занимать нашим людям, они попросту не пойдут за сладкоголосыми речами.

- Значит, нашим офицерам уже можно дать некоторые намёки, чтобы они готовились учиться на востоке...

- Ну нет. Готовить наших офицеров к современной войне, - криво усмехнулся полноватый маркиз, - якобинцы не станут. И мы на их месте также не стали бы. Тем более тайна не должна просочиться наружу преждевременно. Благодарность за Гибралтар это одно, а вот воз-

можность более тесного сотрудничества это совсем другое. Максимум, что мы можем получить оттуда, и то с оговорками, это полицейские и офицерские пистолеты.

- Почему же с оговорками?

- Потому что сейчас крупный заказ на них подало всероссийское императорское правительство. Естественно, его запрос будет выполняться в первую очередь, а лишь потом дойдёт дело до нас и до других стран.

- Ну, не до всех стран и дойдёт. Едва ли лондонские «бобби» получают это оружие!

В зале раздались смешки. Но затем вёдший собрание человек сразу посерьёзшел.

- Будьте внимательны и осторожны. Даже своим домашним – ни слова, ни полслова. А уж газетчикам и тем более. Эти вездесущие корреспонденты поистине бич нашего века. Стоит им разузнать хотя бы об одном второстепенном вопросе, который мы тут обсуждали, и тогда королевству несдобровать. Назревающая комбинация может разрушиться в самом начале.

Остаток вечера провели в беседе на более спокойные и отвлечённые темы. Только однажды вновь вернулись к основному обсуждению, да и то скорее нейтрально: нельзя ли будет закупить где-нибудь за границей новейшие лекарства. Даже самый рьяный шпион, услышь он такой вопрос, не мог бы предположить, что только что перед этим обсуждались сдвиги гораздо более интересные.

Глава 2. Края запада и востока

В Лиссабоне бушевали свои внутривластные бури, хотя внешне обстановка оставалась вполне благопристойной, даже флегматичной. Во дворце об этом беседовали двое придворных, которые являлись людьми весьма искушёнными, погружёнными в «сферы» высшей политики страны.

- Похоже, Испания сорвалась с крючка европейской политики.
- Да, и перескочила на крючок не менее опасный.
- Ну, возмутить испанцев не выйдет, это всё вполне ясно.
- А вот подмять страну под себя ещё сильнее, чем это сделали бы другие, выйдет вполне.

Потому как поставить в зависимость её, при таком-то превосходстве в уровне хозяйства, много ума не надо. Я бы даже удивился, если бы этого не произошло.

- Не будем предвосхищать то, что ещё не началось. К тому же даже для приверженцев всякого сумасбродства куда разумнее не пытаться лезть и силой принуждать, а наладить прямой диалог. Залезть в ту же Испанию под соусом равноправного сотрудничества будет намного легче, чем чванливо доминировать над ней.

- Но как же нам-то со всем этим быть? Мы не имеем даже и тех возможностей, которые есть у Мадрида. Наш вес в мире существенно меньше. А отплетать от британской политики намного труднее будет, если вообще возможно. Займы очень тяжелы, но их приходится делать, потому что иначе не удержаться.

- Да, это верно. Но – как раз по этой причине нам и не стоит делать особенно резких шагов. Если Сити предъявит, образно выражаясь, все векселя к оплате и прекратит при этом давать новые ссуды, нам придётся тяжко. Поэтому, как бы не было соблазнительно сотрудничество с новой мировой силой, мы должны всячески избегать этого. Даже демонстративными жестами подчёркивать, что не собираемся рвать с английскими интересами.

- Но и идти на обострение с фактическими хозяевами Средиземного моря для нас крайне опасно.

- Разумеется. Ведь их летучие машины могут обрушить на Лиссабон, Порту и другие наши города всю свою мощь.

- И поэтому нам следует крайне осторожно выстраивать свою линию. Не обострять её сверх меры.

- Но и не давать малейшего хотя бы намёка на то, что мы можем поддаться искусу и перейти на другую сторону! Потому как тогда сразу лишимся Гоа, Дамана, Диу и Макао. Британец в гневе страшен и не простит нам подобного «предательства».

- Что ж, значит, будем придерживаться именно что «средней» линии, сохранять хорошую мину при плохой игре.

А вот в японском правительстве был настрой совсем иного рода.

- Нам обязательно следует использовать эту размолвку между гайдзинами для усиления позиций Ямато. Чем больше наши враги ссорятся друг с другом, тем прочнее мы сами становимся.

- Однако на севере для нас может появиться угроза гораздо более серьёзная, чем прежде когда-либо...

- Ну, это ещё только возможно, и то далеко не сразу. Как бы ни были умелы эти потрясатели основ, которые появились недавно, в создании хитроумных вещей, дотянуться сразу до всего у них не хватит возможности. И поэтому нам надо как можно быстрее воспользоваться этой пустотой, проникнуть повсюду, куда только получится.

- Увы, не получится никуда. Тут как бы в нас самих не проникли. Гаррис давит всё сильнее, да и представители иных стран не унимаются. Британия, Франция присылают людей, кото-

рые намерены добиться нашего глубокого подчинения. И противостоять этому напору едва ли выйдет.

- Может быть, намекнуть им, что мы в случае сильного нажима можем и взбрыкнуть, перейти на сторону их злейших врагов?

- Нет, конечно. Потому как для нас важнее всего – сохранить именно самостоятельность. А если сослаться на мнимое союзничество не пойми с кем, тогда можем запросто оказаться и рыбой на блюде, а не едоком. Нет, надо строго держаться третьего пути, чтобы не вызвать особенно сильный нажим. Попросту приплывут к нам большие ужасные корабли, и разрушат всё, и вражеские солдаты пройдут, рубя мечом и паля огнём всё, что только возможно.

- Но как же нам тогда добиться выгодных условий? Как разорвать ту удавку, которую пытаются изо всех сил набросить на шею сёгуната?

- Самое главное – не пытаться играть в чужие игры, а вести свою. И всегда помнить, что зарубежные дьяволы по определению враждебны нашему государству и точат на него зубы. Даже самые лучшие побуждения не должны заставить нас предпочесть кого-то из них, хотя бы даже и на словах. Взять от каждого то, что может нам пригодиться, вполне правильно, но надо следить за тем, чтобы самурайский дух ни в коем случае не был бы подорван. Запомните – ни в коем случае! И без того уже развелось немерено легкомысленных людей, мечтающих о возвращении к всевластию императора, и не понимающих, что тогда земля Ниппон полностью и бесповоротно погибнет.

10 мая 1856 года транспорт «Македонец» вошёл в бухту ЗолотойРог. Капитан уже имел точные указания, где высаживаться, поэтому его задача свелась, по сути, к поиску нужного места и отдаче распоряжения о высадке. На берегу начали не просто сооружать, впрочем, обычный частокол из мощных брёвен. Одними из первых выгрузили на сушу мотки колючей проволоки, которые и начали натягивать по периметру будущего укрепления. Палатки для офицеров уже были нового образца, специально закупленные именно для такой цели. Имелся в отряде даже и передатчик, ради использования которого наняли особо радиста. В остальном же пока ничего не изменилось: например, оружие у пехотинцев было всё то же кремнёвое, дульнозарядное, как и во времена наполеоновских войн. Закупить те же консервы думали было, но в итоге средств на всё не хватило, и пришлось обходиться только типичным экспедиционным припасом той поры. Единственное, постарались всё же ввести в рацион побольше свежей зелени, чтобы исключить цингу, да только много ли её, этой зелени, можно перевести на обычном военном корабле, где и без того навалом иных запасов?

Дощатый настил, который оборудовали практически сразу после разбивки палаток, не внушал особого доверия командовавшему постом офицеру.

- Да, доски выглядят прочными. Но как бы интендантство не ошиблось бы, причём в свою пользу, определяя их сорт. Если не начнут гнить спустя полгода, уже прекрасно будет.

Куда больше офицера радовало то, что не придётся делать особенно тщательные промеры глубин, разве что проверить и уточнить некоторые из уже собранных ранее сведений. Значит, рассуждал он про себя, можно будет больше провианта сберечь, ведь ходовые да лодочные партии выбирают его быстрее, чем стоящий на месте гарнизон...

Дозорный Василий Сундуков с трудом переносил непривычную сырую погоду. В его родной Ярославской губернии май был всегда месяцем сухим да тёплым, а тут – не пойми чего... И всё же рядовой не унывал, не раздражали его и сухари, которые выдали на обед в первый же день после размещения. Наоборот, мысли солдата устремились очень далеко от этих мест, туда, где уже всё чаще рассуждали о назревающей вольности.

- Эхх, - вполголоса проговорил Сундуков, оглянувшись боязливо, не слышит ли его кто из офицеров, - крутят по-своему господа начальники, а нашему брату приспосабливайся только так.

В этот момент вдали показались рыбаки, отправленные по решению командиров, чтобы пополнить хоть немного котлы пехотной роты. Одной солонине рад не будешь, а вот когда можно её разбавить дарами местной природы, совсем иначе себя чувствуешь. Потому-то солдаты гарнизона, и даже его начальники, увидев идущих с уловом, не смогли сдержать возгласов радости.

Но веселиться долго не стали, да и возможности такой не было. Срочно требовалось ещё оборудовать склад для пороха, потому что приближалась, судя по сводке погоды, гроза, и если хотя бы одна молния попадёт во взрывчатку, сваленную прямо посреди лагеря пока что, будет очень плохо. Поэтому немедленно начали ставить сборный домик. Однако ведь и разгрузку судна остановить было нельзя, и в караулы кто-то должен выходить, и на кухне дежурить! Так что – забот хватало всем, не исключая даже и командиров, ведь они напряжённо ломали головы, пытаясь хоть как-то распределить работы, не оголяя ни одного участка...

Майор Кудасов, оглядывая своё малочисленное войско, думал не только о том, как быстрее и вернее этими силами построить полноценные укрепления, как создать подобие форта. Размышлял он также о том, как тут пойдут дела позже – когда союзники оборудуют свой «аэродром» (слово казалось ещё не вполне привычным пехотному офицеру). То, что это произойдёт, не вызывало сомнений – как раз поблизости полевая разведка обнаружила удобную плоскую равнину, на которой не было ни камней, ни высоких деревьев, разве что редкие кусты, выкорчевать которые не составит особого труда. Делать это, впрочем, майор пока не собирался – попробуешь, а потом вдруг скажут, «а чего это вы, Кудасов, проявляете особое расположение к нашим союзникам и даже без приказа, без просьбы с их стороны, создаёте для них условия приличные? Уж не оттого ли, что вы к ним особенно тяготеете?».

Что будет после такого разговора, майор представлял более чем хорошо. Способов-то создать служебные неприятности великое множество, не менее чем путей, которыми хотят поощрить старательного и внимательного служаку. Например, могут найти какое-то нарушение, отступление от устава или даже от уголовного уложения (а при большом старании найти такое получится в любом войске, потому как буквально соблюсти все требования невозможно).

На противоположном конце континента, в Ирландии царила странная, на первый взгляд, атмосфера. Призрак могучего и непобедимого как будто голодного времени прочно отступил, но на его место пришла унылая апатия и ожидание чего-то плохого. Лендлорды в прошлом году лютовали так, как не могли припомнить даже старики: плата за аренду тянулась вверх как на дрожжах, а недоимки взыскивали крайне сурово. То и дело проносилась весть о суде над разбойниками: много их появилось теперь, когда то одних, то других сгоняли с земли за неуплату. И даже тем, кто оставался пока ещё в арендаторах, приходилось туго: всё большая часть урожая отдавалась всего лишь за право пользоваться землёй. На собственные нужды, следовательно, оставалось не так уж и много.

Но при всём этом, при бушующих вспышках заразных болезней, при беспредельном отчаянии – множество людей не стремилось отнюдь к резким переменам. Вернее, старались в большинстве своём сбежать, пусть даже на судах дрянных, которые разве что прямо в гаванях не тонули; даже это сомнительное путешествие через Атлантику казалось более привлекательным выходом, нежели попытка чего-то добиться на месте. Причём слухи, доходившие издаля, не исправили дела, наоборот, только ухудшили его. Ведь это не просто какое-то новое государство объявилось, а, как настойчиво говорили всё чаще, сила подчёркнуто вредоносная. И говорили это чаще и чаще с каждым месяцем лица духовного звания прежде всего, те самые, которым средний ирландец привык доверять и кого он воспринимал как свою опору во враждебном и холодном мире английского доминирования. Естественно, что всякого рода сообщениям, в том числе об ужасах и пакостях, эти люди доверяли не меньше. И следовательно, никакого смысла менять английское шило на заморское мыло попросту не видели.

Так как немало выходцев из Ирландии находилось уже тогда далеко от своих родных мест, то нахождению нескольких из них на борту брига «Викториус», вышедшего из Бостона в прошлом сезоне, и теперь курсировавшего в северной части Тихого океана, удивляться не приходилось. Бриг прибыл в эти воды не для торговли, разведки или поиска неизведанных земель, его команду интересовали только и исключительно киты. Но сейчас, находясь в 200 милях на юго-запад от аляскинского побережья, «Викториус» не гнался за величавым гигантом моря. Матросы сосредоточенно чинили такелаж, осматривали и исправляли паруса, а капитан только наблюдал за всем этим, да вёл судовой журнал, как положено.

Команда брига с нетерпением ожидала, когда же появится возможность вновь заняться охотой. Они уже привыкли к подобным перипетиям, к дням унылым и бесцветным, сменяющимся бурной, лихорадочной погоней, бросанием гарпунов, разделкой туш. Однако в этот раз «Викториусу» не суждено было заняться своим промыслом, хотя морская гладь оставалась спокойной, ни малейшего намёка на шторм не предвиделось. Внезапно появившаяся высоко в небе точка поначалу не привлекла ничьего внимания, и лишь когда дирижабль снизился, китобои поняли: это один из тех самых воздушных разведчиков, которые патрулируют теперь тихоокеанские воды. Хотя никакого оружия на борту аэростата не было, зато там имелась радиостанция, о чём, правда, капитан и команда брига сразу и не подумали. Поэтому, когда патруль скрылся за горизонтом, они выдохнули спокойно и направились дальше – судно как раз починили и отладили, и можно было уже выходить на поиски добычи. Внезапное как будто появление на своём пути дозорного боевого корабля Русско-американской компании оказалось для американских моряков настоящим потрясением, они-то думали, что забрались достаточно далеко, чтобы не быть перехваченными!

Нет, первоначально-то на «Викториусе» полагали, что отделаются очередным предупреждением, как это всегда бывало. В портовых кабаках Бостона, Нью-Йорка и других американских городов можно было услышать множество подобных историй, и все знали – у РАК попросту нет полномочий от властей на радикальное пресечение браконьерства, ни особой возможности помешать ему в принципе. Однако, когда бриг готовился к отплытию и даже ещё находился в пути к месту назначения, обстановка существенно изменилась. Не только за счёт патрульных дирижаблей, как можно было бы подумать. Теперь у компании имелись и полномочия, и, что немаловажно, несколько дополнительных кораблей, способных мешать разбою. На северо-восток Тихого океана отправили, что удивительно, ряд захваченных в прошлом году боевых единиц турецкого флота – да, именно так, на вместе с командами. Потому как там, где не было необходимости вести большие боевые действия, а требовалось лишь охотиться на контрабандистов, возможностей таких парусников, а тем более пароходов, вполне хватало.

Кит же, находившийся как раз поблизости, не обратил особого внимания на развернувшиеся события вообще. Он приплыл сюда, преодолев огромное расстояние, и не просто так, а ради того, чтобы насытиться вдоволь вкусным крилем. Собственно, он это делал уже не один раз, и неизменно замечал, что на поверхности моря движутся какие-то непонятные вещи, то из дерева, то из добротной стали. Как и во все прошлые встречи, подводный великан, стоило ему начать втягивать воздух, сразу ощущал запахи смолы, дыма...

Правда, ему-то везло – удавалось оставаться незамеченным или находиться слишком далеко, чтобы можно было уйти от преследования. Ряду его собратьев повезло гораздо меньше. Или, точнее, не повезло совсем. Почему сейчас вышло как-то не так, как обычно, почему вместо того чтобы общими усилиями гнать его и бросать свои острые штуки, оба судна попросту ушли куда-то, он не знал и знать не мог. Главное, что теперь они не потревожат его никак. А значит, можно преспокойно фильтровать криль, не заботясь ни о чём.

Вот захваченным браконьерам, напротив, заботиться было о чём. Их ждало теперь следствие и судебное разбирательство. В полном соответствии с недавно утверждёнными нормами

о защите тихоокеанской акватории. И поэтому на «Викториусе» царили уныние и отчаяние, не осталось и следа от недавнего раскалённого ожидания успешного лова.

Глава 3. Рутина практическая

Михаил Суровцев вздохнул. В очередной раз у инженера-прочниста появилась новая задача: уточнить проведённый другим сотрудником расчёт, чтобы выяснить, не сломается ли винт внезапно, не появятся ли усталостные трещины. Суровцев перелистнул справочник ЦАГИ, закусил губу... вроде всё сходилось правильно, и не должно было возникнуть проблем – если даже этот винт будет прорезать воздух в Арктике или над океаном, где любая поломка особенно опасна.

К Михаилу подошёл технолог по сборке, посмотрел в расчёт, покачал головой и отошёл. «Ему-то хорошо», с ноткой неудовольствия подумал Суровцев. «Знай следуй своим схемам, поэтапно собирай конструкцию. А если я допущу ошибку, это будет совсем неочевидно, и в итоге – вертолёт может рухнуть как подкошенный».

В соседнем же цехе тот самый винт сейчас собирали. Жужжание свёрл сменилось вдруг тишиной: это монтажники начали подгонять элементы, чтобы избежать малейших проблем. То и дело кто-то прикладывал к детали микрометр, потому что даже самый тщательный визуальный контроль не позволял бы обнаружить дефекты. И настоящим наказанием за ошибку станет... нет, не отбраковка изделий при техническом контроле. А ситуация, когда вдруг сломается что-то прямо в полёте, и великолепная (по задумке) машина разобьётся.

Главный инженер прошёл по цеху своими мелкими, семенящими шажками. Было ему уже немало лет, но уважали его не только за возраст, но и за вполне реальные достижения в профессии. Каждый знал: этот специалист не упустит случая проверить, как хорошо идёт антикоррозийная обработка стержня лонжерона. Но притом и не преминёт подбодрить новичков, указав на их ошибки столь же корректно, как на промахи самых опытных людей. Поглядев, как идёт процесс, главный инженер вдруг спросил:

- Дерево сколько сушили и в каком режиме?

Выслушав подробное объяснение, кивнул и добавил:

- Балансировку проводите на две минуты дольше, чем указано в инструкции. Статические испытания также увеличьте где-то процентов на пять.

- В паспортах лопастей что писать?

- Что есть, то и пишите чётко. Чтобы позже, уже на аэродромах, все понимали, какова ваша продукция и можно ли её безопасно использовать для конкретного полёта.

- Клей бы хороший был, тогда всё на мази.

- Не говори гоп, пока не перепрыгнешь. Клей и без того самый лучший подвозим, и все это знают. Нечего нос воротить и свои ошибки на материал списывать. Лучше лишний раз замерь штангенциркулем, чем потом перед ОТК оправдывайся.

На этот разговор накладывался тихий шелест вентиляции. А с другого края цеха доносились вообще едва слышное шорканье: это мастер и его помощник снимали излишек с деревянной нервюры, бдительно следя, чтобы не повредить металлическую часть конструкции. Никто ещё не подозревал в тот момент, что перед выпуском лопасть проверят и... откажутся её принимать. Потому как в одном месте краску немного вспучит, и это обнаружат сразу же при свете специальной лампы.

24 мая 1856 года Алексей Петров шёл по грунтовой дороге в сторону Москвы. 25-летний плотник уже успел неплохо себя зарекомендовать, но всё равно волновался, словно в первый раз: всё-таки слишком много всего поменялось в последнее время. По слухам, которые докатились даже до глубинки под Владимиром, в Москве в этом году строили очень много, а значит, для умеющих владеть топором дело точно найдётся.

Однако, как ни странно было Алексею с этим сталкиваться, большинство наиболее подходящих мест оказалось уже разобрано. Те же, которые вроде бы подходили по условиям, нахо-

дились шут знает где, даже не в самой Москве, а в её пригородах скорее. Поэтому отходник вынужден был посетить стройку лодочной станции – о которой ему рассказали обедавшие в кухмистерской собеседники.

- Чегой-то они там делать будут, говоришь? – спрашивал Петров, жуя с набитым ртом. – Небось, пароходы какие пускать по реке будут?

- Да ты шутник, однако! Никаких пароходов, одни только лодки. Чтобы, значит, кататься от скуки...

- Круты же господские развлечения. И чудны. Это ж надо измыслить – вёслами грести, чтоб душу отвести!

- Слушай, паря, я тебе сказанул, где можно твой топор пристроить? Сказанул. А прочее – оставь. Я не больше твоего со всякими барами якшаюсь, и сам не знаю, чего им там в голову взбрело. Так что – не мучь ты меня этими расспросами. А коли хочешь – так поди и сам взгляни да поспрошай.

И вот Алексей стоял и рассматривал «диковинных людей», о которых ему тот же собеседник вкратце упомянул. Выглядели они и правда непривычно. Так что он поначалу и не решился к ним подойти, поскольку нутром чувствовал, что в своей кустарной рубашке, войлочной шапке и лаптях смотрится рядом с ними откровенно чужеродно. И – за ним, в отличие от многих других, не стояла артель, потому подойти к незнакомцам было весьма боязно. Однако же – делать нечего, как-то кормиться надо, время уходит...

Надо сказать, что приняли нового желающего охотно. Как раз бригаде требовался дополнительный умелец, и поэтому ему сразу предложили вливаться в работу. Принесённые с собой инструменты осмотрели, нашли их вполне пригодными для дела. Но сразу же Алексею стало понятно и иное: пусть орудия такие же, однако дело идёт не так, как он привык.

Взять хотя бы сами доски. Владимирец-то собирался их заготавливать собственными силами, и даже предложил помочь с этим. Его искренне не поняли, удивились. Лишь спустя дня три Петров усвоил окончательно, что не нужно самим валить деревья и дорабатывать их топорами, пилами, что всё необходимое привозят со стороны. Приёмы мастерства? Вроде те же самые врубки углов, стёсывание рубанком, разметка. Однако же Алексея поразило, что каждый из «диковинных» строителей то и дело смотрит в чертёж, а не делает всё пристрелянным глазом только. Да и не только смотрит, но и с отвесом частенько проходит. С одной стороны, видно, что стараются, с иной – стоило ли так заморачиваться...

Однако и на том диковины не завершились. Когда настала пора готовить какую-то «опалубку», Петрову это не доверили, потребовав сначала «смотреть и учиться». И даже в более простом деле – обустройстве спуска к воде – владимирец открыл для себя некоторые секреты. Казалось бы, ну что тут такого, просто положить доски под наклоном и скрепить их... ан нет, хороший «слип» пришлось подбивать предельно плотно, чтобы зазоров точно не осталось. Более уверенно Алексей почувствовал себя, когда дело дошло до сторожки дежурного. Там, правда, тоже пришлось всё подгонять, надёжно защищая от ветра и сырости, но – это уже была привычная, знакомая ему стихия – плотные стены. Также любую доску требовалось пропитать смолой, чтобы она прослужила подольше. Собственно, именно этими простыми делами, а также перетаскиванием досок, их шлифовкой и распилом, и пришлось заниматься отходнику.

27 мая 1856 года. Купец Никита Суконкин ходил по новой «мясной базе», только что открывшейся в Москве. И, сложив руки на груди, то и дело похмыкивая, знакомился с промышленными холодильниками. Прежде-то Суконкин привык наблюдать, что мясо просто закручивают в холст, а затем уже так и хранят – прямо на деревянных стеллажах, ну ещё в ящики или бочки могут складывать. А тут – было уже совсем иное дело, чего стоили хотя бы компрессорные установки.

- А этот ваш аммиак, бают, ядовит жутко?

- Да, ядовит. Но мы знаем, как с ним обращаться. Так что тревожиться вам не стоит. Мы постоянно следим, чтобы яд не просочился наружу, а если он попадёт в воздух, то мы сразу узнаем об этом.

- И все эти толстые трубы... в них ведь мороз и таится?

- Можно сказать и так.

Купец озираясь вокруг, его взгляд падал то на один манометр, то на другой...

- А что это всё гудит?

- Вентиляция. Ну, чтобы воздух был свеж и чист всегда.

- То дело доброе, пусть будет. И сколько же вы возьмёте, если я оставлю у вас триста этих ваших колограммов мяса?

- Хранение ста килограммов будет стоить двадцать пять копеек за сутки.

Главный инженер комплекса откровенно нервничал. Ведь этот купец свалился на его голову совершенно неожиданно. Директора не было, тот уехал в банк для сдачи наличности и отчётных документов, поэтому именно ему, совсем не сведущему в этих коммерческих делах человеку, похоже, придётся вести переговоры. А ведь и без того хлопот немало: шлаковата в одной из стен уже прохудилась, вернее, была смонтирована ужасно, строители накосячили, и теперь всё придётся переделывать. Акт нужно составить, экспертизу провести, бюджетный фонд выбить. Потом, слесарь-холодильщик задержался, всё ещё не прибыл после отпуска, и если машины разладятся, сложно представить, что произойдёт. Другого сотрудника держать никак нельзя, потому что противозаконно не давать положенного по графику времени на отдых. Вот и получается – хоть разорвись!

Естественно, просто так создавать «холодовую базу» было бы опрометчиво, трудно рассчитывать, что вот так сразу московское и окрестное купечество ринется табунами бронировать места для хранения товара. Дешевле ведь и проще ему покажется работать по старинке, без соблюдения строгих стандартов. При этой мысли главный инженер позволил себе улыбнуться безмятежно: ясно ведь, что через несколько лет примут законы, которые запретят или ограничат нарушения санитарных норм. Да, поговаривают, что идёт суровая битва, что в ход пускаются любые средства, что подкупом не брезгуют, и даже угрожают уже слишком неподатливым служащим. Несколько торговцев пришлось взять на контроль в МГБ, но и это не особо остудило пока что горячие головы. Попробуй выдели среди множества бухтящих в своём кругу тех, кто действительно что-то злоумышляет.

Однако тут инженер, расставшийся уже с купцом, тряхнул головой, словно сбрасывая с себя наваждение. Конечно же, раз полагаться только на готовый спрос нельзя, нужно его создавать искусственно, размышлял специалист. Вот потому-то рядом уже строится полным ходом настоящий мясокомбинат. Участки обвалки и термообработки уже почти готовы, цех фаршесоставления только начали перекрывать крышей, а другие зоны не поднялись пока выше фундамента. Ничего, трепещите, господа торговцы и прочие! Будет уже в этом году всё запущено в строй. И торговля уже готовится, скоро откроем три первых магазина улучшенного уровня в Москве и один в Петербурге. Вот тогда-то и запоёте курскими соловьями.

30 мая 1856 года на сталинградском почтамте началось с разбора писем, которые только что были доставлены имперским пароходом. От них до сих пор исходил слабый запах угольного дыма, копоти. Так как марки только что появились – и по всем российским просторам ещё не успели разойтись – сортировка вызвала дополнительные трудности, и к ней привлекли самых опытных работников.

- Опять машина сортировочная сломалась!

Этот возглас прозвучал как гром среди ясного неба. Он означал, что теперь придётся, до устранения неполадки, разбирать вручную гораздо больше корреспонденции.

Свои проблемы были и у почтовиков, работавших в Петербурге. Хотя сортирующие машины у них не ломались (да и ломаться было ещё нечему), но сам поток писем заметно

вырос. Всё-таки новые учреждения вели гораздо больше переписки, чем кто-либо мог ожидать, да и массовая грамотность среди выходцев с перемещённой территории давала о себе знать. Практически все они, оказавшись в имперских землях по тому или иному делу – регулярно писали домой, и потому-то и ложился на почтовых служащих дополнительный груз. К тому же ещё и случались то и дело казусы: или один из почтарей ошибался при работе с непривычной орфографией, или же вообще отказывался обрабатывать корреспонденцию, отправленную по адресам с «якобинскими» названиями. А руководство почты ещё и давило, требовало «не ударить в грязь лицом».

- Не ударишь тут, как же! – ворчали работники. – Там-то всё повозками быстрыми везут, или по чугунке, и иных всяких штук немало, а мы изволь такую же скорость держать с простыми каретами.

И да, несмотря на налаживающееся сотрудничество между государствами, в имперских городах к самой переписке такого рода относились не совсем хорошо. Всё-таки переломить сложившиеся установки было чрезвычайно трудно, взрослых-то людей не перевоспитаешь...

Правда, сотрудники «чёрных кабинетов» буквально разрывались между противоречивыми побуждениями и сиюминутной волей начальства. Например, в один день могли потребовать особенно усердно смотреть на те письма, которые уходили систематически по одному и тому же адресу. На следующий – являлось противоположное указание: отслеживать в первую очередь тех, кто сначала писал на один адрес, а потом вдруг начал отправлять письма на другой. Неизменным оставалось лишь одно: тщательно следить, чтобы не налаживались контакты с польскими сепаратистами и их поклонниками. Достаточно было лишь подозрения, что пишут такому лицу, чтобы всё послание очень тщательно прочитали, скопировали и подшили в наблюдательное дело.

Конечно, неизбежным последствием такого усиленного контроля стали массовые задержки переписки. Задержки долгие и необъяснимые – признаваться-то вслух в подобном власти, естественно, не торопились. Губернаторы и градоначальники, военные руководители на местах следовали старому, как мир, принципу – лучше чрезмерная бдительность, чем служебное взыскание за недостаточное усердие. Потому как просачивание «сомнительной заразы» казалось делом почти неизбежным, и требовалось, по разумению немалого числа государственных людей, старательно ставить заслон на её пути. Особенно туго приходилось тем, кто отправлял письма необычные: очень тяжёлые и объёмные, или же просто «до востребования». Чуть ли не каждое такое отправление предписывалось прочесть самым внимательным образом, потому доставка почты тормозилась с каждым месяцем более и более.

Это имело, между прочим, ещё один результат, ничуть не предполагавшийся «защитниками имперского порядка». Количество желающих провести телефонные линии росло в разных уголках страны. А там, где они появлялись, практически все старались вести максимум контактов с советскими территориями именно по голосовой связи. Люди покруче, кто мог получить доступ к радио, использовали уже его. Доходило до смешного практически: те же губернаторы, кто требовал проявлять бдительность, сами вынуждены были вместо заторможенной собственной почты пользоваться более быстрыми способами, чтобы разрешить то или иное дело.

Наш-то старый знакомый Анненков проявил чуть больше благоразумия, и не теребил подчинённых почём зря, не требовал от них установить тотальный контроль. Однако же большинство иных оказалось гораздо боязливее, гораздо сильнее тревожилось из-за возможного гнева высших сфер в случае, если дать разгуляться крамоле невозбранно. И достаточно было порой сильного рвения одного лишь полицейского чиновника или исправника, чтобы «поставить колом» весь оборот писем в округе. Одёргивать таких не решалось особо и непосредственное их начальство, потому что оно опасалось... того же самого.

Вот и получилось, что те же присланные с союзных земель специалисты вынуждены были долго ждать, пока их письма доставят по назначению. Всё равно, как бы они смирно себя не вели, представлялись поневоле какими-то жуткими смутьянами, учитывая то, откуда они взялись и в каких сферах обращались. Причём к «людям простого звания», хоть как-то выдвинувшимся вперёд по работе или официальной службе, относились с особой насторожённостью, потому что именно такие сильнее всего рушили канон. Никто не мог предположить в те дни, что уже созревает ситуация, которая сломает подобное взаимоотношение – причём сразу с двух сторон. Всё-таки на переместившихся землях многие не понимали, зачем превращать то же Царство Польское в часть Витебской губернии, потому как сложившаяся за долгие годы установка заставляла принимать такой подход крайне негативно.

Глава 4. Недовольные делают ход

В Варшаве и других польских городах в 1856 году было крайне неспокойно, атмосфера выглядела наэлектризованной, и проскакивающие «искорки» этого напряжения улавливали то и дело даже самые обычные люди, бывавшие там проездом. Решение о наведении порядка и об упразднении особого статуса этих местностей вызвало бурление недовольства, первоначально выражавшегося в подаче обращений и различных толках. Но – результата эта критика не возымела, наоборот, немалое число «критиков» очень быстро оказалось подвергнуто штрафам и даже арестам, а десятка два самых рьяных и вовсе выслали пешим этапом на Урал под надзор полиции. Внешне это несколько утихомирило бы обстановку – будь всё иначе.

Но теперь не просто изрядная часть старой земельной аристократии и вновь зарождающихся юных националистических кругов готова была ответить силой оружия на действия официального правительства. Европейские державы проявили прямую заинтересованность в том, чтобы «взорвать» изнутри спокойствие Российской Империи. В отличие от аналогичной ситуации в реальной истории они не видели иного способа затормозить изменения в ней, кроме как перемолотить побольше солдат в кровавой каше. Не останавливало никого особенно и то, что, конечно, при таком подходе немалое число самих поляков тоже будет перемолото. Как говорили – в очень узком кругу, конечно:

- По большому счёту, что в России, что в этой Польше просто два разных рода скотов, возмнивших о себе неведь что. Кроме того, если новейшие якобинцы узнают о случившемся, то будут вынуждены или лезть туда со своими ужасными оружием, или отторгнуть сотрудничество с Петербургом и разрубить его почти полностью. Оба варианта нас устраивают.

Именно так говорил, к примеру, Наполеон III. И уточнял в беседе со своими министрами иностранных дел и армии:

- Надеюсь, вы понимаете, что «щит» дополнительный нужен против наших доморощенных мятежников. Да, они слабы и ничтожны, да, наш народ покорен, и никогда даже в самом отдалённом будущем взбрыкнуть не сумеет. Но важно ещё и эту шелупонь разрозненную дезориентировать, чтобы она отвернулась окончательно от тех, кто мог бы её поддержать...

Люис на пару мгновений задумался, затем тонкая улыбка образовалась на его лице:

- Значит, нам очень полезно будет, если эти юго-восточные демоны втянутся в польскую мясорубку на стороне официального Петербурга?

- Именно так. Но нужно постараться подать любой шаг как инициативу разгневанной общественности. Поддерживать польские вылазки и нападения следует немного отстранённо, чтобы не было прямой связи между атакой на «юго-восточных» и нашей помощью, даже участием добровольно отправившихся из нашей страны. Даже, думаю, стоит подтолкнуть немногих оставшихся ещё у нас радикалов к отправке добровольцами на эту «защиту свободы». Негласно конечно, максимально тёмно, чтобы абсолютно ничто нас со всей этой братией ничуть не связывало. Просто дружеский совет от наших властей на местах: убирайтесь или будет хуже! А если посмеете побежать не в Польшу, а куда-то ещё, тогда пеняйте на себя, будете сурово и примерно наказаны.

- Разумеется, если попадутся.

- Да. Но ведь таков человек: обязательно постарается вернуться туда, где ему удобнее вести свои дела. Вот и наши любители республиканских бредней этому же правилу всецело подчинены. Значит, будут стараться возвращаться и при этом окажутся надёжно в наших руках.

- Хорошо, мой повелитель. А как посмотрит на всё это дело Австрия, да и Пруссия тоже? Им ведь польская независимость самим поперёк горла встать может.

- Проблемы Австрии меня ничуть не трогают. Она пробовала заводить шашни с восточными демонами, как мне доложили доверенные люди. Так что пусть теперь пеняет сама на

себя. И если взметнувшиеся шляхтичи не то что свои прежние земли вернут, но и ворвутся даже в самый Шенбрунн и спалят его полностью, мне никакого дела теперь не будет. Отступники от святого европейского пути должны рыдать и обливаться собственной кровью – только вот так. Впрочем, у Вены есть ещё шанс немного оправдаться в своём предательстве – если она всецело и неукоснительно выступит на нашей стороне, отбросив все былые амбиции. Пруссия же просто покричит да успокоится. В крайнем случае можно будет дать ей гарантию неприкосновенности, и вместе с британцами дополнительно нажать на повстанцев, чтобы они не слишком разевали рот на прусские владения. Да в конце концов, зачем у пруссаков своя армия, как не для таких случаев?

- Остаётся надеяться, мой повелитель, что гадское министерство государственной безопасности со своим всепроникающим сыскным аппаратом не разнюхает ни о чём подобном и не примет своевременно мер. Переловят ведь всех агентов и эмиссаров как котят крохотных, и оружия толком не скроешь, и замыслов опять же. Там у них, как вы, конечно, знаете, гавань воздушных кораблей – та самая, с которой производился разбойничий налёт на Лондон.

- Вот эту гавань, Люис, они и будут оберегать. И всех, кто на ней служит – тоже. Но на всю Польшу и прочие местности их попросту мало. За каждым чихом не уследить... Тем более что они знают из своего опыта, что взрыв будет через 7 лет. Должен быть, во всяком случае. А тут – произойдёт в текущем году, или в начале следующего.

- Что ж, мой повелитель. Будем надеяться, что они пропустят всё же тот из «чихов», после которого разгуляется свирепая инфлюэнца!

- Разгуляется, в этом сомневаться не приходится. Особенно если за дело организации возьмутся наши умелые руки, которые устранят типичные для шляхты разброд и шатание.

... И в самом деле, обстановка выглядела уже типично предгрозовой. Всё лето то и дело шушукались в разных кружках и салонах, копя недовольство. В августе прошли первые митинги, для разгона которых пришлось посылать войска. Из толпы уже гремели выстрелы, так что жертвы имелись не только среди «разгневавшейся общественности», но и среди солдат. Посыпались как из рога изобилия письма с угрозами, адресованные выходцам из других местностей империи, имевшим несчастье жить, хотя бы временно, среди поляков. Однако чья-то невидимая рука как будто ограждала до поры тех, кто приезжал с перемещённых территорий. Таковых, впрочем, было крайне мало, а большинство из них, будучи связанным с аэродромом близ Варшавы, не разъезжало лишний раз по окрестностям, тем более не уезжало и далеко от места службы.

Поэтому, например, масштаб кампании «против развлечений», развёрнутой в польских землях, оценить было мудрёно со стороны. Как и предполагал император Наполеон, органы государственной безопасности присутствовали лишь на авиационной базе, и максимум, при общении с местными жителями, выясняли, нет ли у кого-либо планов напасть на неё и её персонал. В Сталинграде были в курсе, конечно, эксцессов с насилием, и осознавали, что это похоже отчасти на ситуацию 1863 года, прекрасно знакомую им. Но успокаивали себя разными оригинальными соображениями. Например, многие говорили вообще так:

- Да всёрадикально переменялось и перевернулось теперь. Как прежде – точно не будет. А уж устраивать выступление против имперских властей сейчас смысла никакого нет.

Или:

- Мы можем употребить своё влияние и авторитет даже и на вольнодумные круги в имперских городах и армии. Без их поддержки никто вооружённое возмущение поднимать не станет, потому как понимает – даже в одиночку правительственная армия попросту раздавит всякое недовольство.

Тогда ещё неясно было, насколько серьёзна обстановка. Новости доходили, вдобавок, с большим опозданием, полноценной линии радиосвязи не имелось. Радиостанция аэродрома, пожалуй, и была самым серьёзным объектом такого рода, плюс единственный корреспондент-

ский пункт всесоюзного радио в Бресте – но это уже оказывалась самая окраина, где активности оппозиционных сил почти не было. Ведь даже и в лучшие годы старой Речи Посполитой в этом заштатном городишке сколько-то крупная шляхта попросту не селилась, а значит, не было и опоры у сторонников насилия теперь. Тиха и спокойна там была обстановка, известия из основных центров доходили смутно и изредка. Ездить же в сами основные польские районы гражданским лицам не приходилось, никаких особенных дел там не велось. Зачем, например, везти оттуда яблоки или деловую древесину, если то и другое можно закупить гораздо ближе, в основных русских губерниях европейской части страны...

Сыграло свою роль и ещё одно заблуждение, которое разделяли даже офицеры спецслужб в основном. Оно состояло в том, что быстро, во всяком случае, никакое вооружённое выступление подготовить невозможно, что это займёт несколько лет ещё, а за тот срок можно будет спокойно выявить все источники угрозы и аккуратно, без чрезмерной спешки, нейтрализовать их теми или иными способами. Недооценили и сплочённость польской шляхты, и её решительность, и готовность действовать с опорой на разветвлённую католическую сеть. Наконец, что немаловажно, разногласия между фракциями в оппозиционных кругах стёрлись, потускнели. Прежние сторонники умеренной сравнительно линии теперь говорили так:

- Нам угрожает не один только имперский Петербург. Враг куда грознее завёлся у нас, это дрянной демократический дух, вонь которого доносится с востока. Если позволить этим ветрам выпотрошить и высушить окончательно нашу любимую ойчизну, то – всякая надежда на восстановление её рассыпется.

В свою очередь, те, кто в иной истории заигрывали с радикальной фразой и даже пытались как будто решать тем или иным способом «аграрный вопрос», сейчас подчёркивали:

- Спасение нации в единстве перед лицом грозных испытаний. Реформы подождут до более благоприятного случая. Проводить их в любом случае должно уже только независимое правительство в Варшаве, и лишь после того, как безопасность и свобода нашей земли будут подтверждены официальным договором о признании. Если кто-либо в новой стране, даже и кичащийся своей колоссальной силой и мощью, откажется нас поддерживать, значит, этот человек попросту предаст идеалы.

Детонатором послужило решение о том, что с 1 января 1857 года вывески во всех городах новообразованной Витебской губернии должны стать двуязычными. Это был громогласный сигнал, говоривший, что намерения центральных властей более чем серьёзны, и что они не собираются отступать в своём нажиме на оппозицию, в преобразовании излишне своевольной земли на более толковых началах. С другой стороны, Петербург в качестве «жеста примирения» летом 1855 года разрешил вернуться в родные места участникам событий 1830 года. Естественно, большинство из них, кроме тех, кто был слишком уж слаб теперь, с азартом и страстью ринулось в политическую борьбу, и впоследствии отличилось не только пылкими речами, но и решительнейшими действиями на полях сражений. И на всём этом фоне, вдобавок, войска были основательно рассредоточены повсюду: в правительстве и генеральном штабе всерьёз думали, будто само по себе повсеместное присутствие хотя бы небольших армейских отрядов остудит горячие головы, заставит отказаться от мысли о каком-либо мятежном выступлении...

3 июня 1856 года Зинаида Колмогорова находилась на том самом аэродроме, расположенном в окрестностях Варшавы. Она была штатным врачом санитарной части. И, как нетрудно догадаться, командование ближайшего имперского гарнизона то и дело вызывало её также, когда требовалась срочная помощь с каким-то особенно тяжёлым или опасным случаем. В таких ситуациях ничего не оставалось, кроме как брать машину и отправляться в путь. Дорога занимала где-то полчаса и пролегла по сравнительно пустынному участку, частично проходила даже через густой лес; польские деревни поблизости были, конечно, но до них из этого леса было несколько километров.

Вот и в это утро пришёл срочный вызов: один из младших офицеров неожиданно заболел и нуждается в квалифицированной помощи. Вновь скрипит подержанный, изношенный автомобиль, вновь вцепляется в рулевое колесо и прыгает на каждой ухабине водитель-срочник. Туман напелз полосами, скрывая вдаль очертания деревьев – но даже если бы было отчётливо видно каждое из них, рассмотреть там надвигающуюся опасность не было никакой возможности, конечно. Потому ехавшие в «эмке» оставались практически спокойны – вот что, казалось бы, могло произойти в этом месте, поблизости от своих. Тем более что война уже закончилась...

Прибыв на место, Колмогорова поспешила было разыскать больного. Но неприятным сюрпризом для неё стало то, что их на самом деле уже четверо, просто трое – солдаты, пытавшиеся кое-как держаться. Начальство требовало любой ценой сохранять боеспособность гарнизона: на месте-то всё виднелось иначе, и назревающая опасность стала вполне явной, так что каждый боец был на вес платины. И к тому же...

- Да у нас фершала-то нет...
- А куда ж он делся?
- В госпиталь забрали, грят, там нужнее.
- А вы как же?
- А мы что, люди маленькие, обойдёмся.

В первый визит к ней отнеслись с изрядным недоверием. Но потом, постепенно усвоив, что «дело-то своё знает и отлично помогает», стали воспринимать гораздо более спокойно и даже уважительно.

- Так, что у нас тут? Как давно жар?
- Да вторую неделю уже.
- Почему раньше не тревожились?
- Так ведь сначала лихоманка слабая, а потом крепче, крепче...
- Что ещё?
- Ломит везде, спасу нет никакого. Настой трав и тот не берёт эту хворь.

Медик сразу посерьёзнела, потребовала строгим голосом:

- Язык показывай, быстро!

На языке, как она и опасалась, явственно присутствовал белёсый налёт. Печень оказалась ощутимо увеличена. Вместе с мелкой сыпью картина складывалась действительно угрожающая – налицо типичный тиф, хотя, конечно, подтвердить или опровергнуть это смогут лишь анализы. А сделать их можно, конечно, только в санитарной части при аэродроме.

Следовательно, больных надо – одного за другим – везти туда. Так и сделали... Однако, стоило в третий раз выехать, как по дороге, в лесу, их перехватили. Навстречу вымахнули из зарослей человек пятнадцать, вооружённых вилами, старинными мушкетами да саблями, парой хоть сколько-то приличных винтовок. Опасности подобной никто не ожидал, достать и изготовить к бою оружие шофёр не успел. Субъекты, которые держали это оружие, были одеты очень разнородно, кто-то даже напялил на себя потёртый лоснящийся кунтуш – видимо, достав из дедовского сундука этот манифест шляхетского нрава и доблести. Поначалу они хотели было отступить, но потом, увидев, кого перевозят, предводитель осклабился и довольно заурчал:

- Все вы, москвиты, одним миром мазаны. Хоть старые, хоть новые. Верно говорят, доверять вам нельзя. Я-то ещё сомневался, но теперь вижу, правы старики мудрые. Так, солдат презренный, пойдёшь ли ты с нами за волю и доблесть сражаться?

- Никуда он не пойдёт, он тяжело болен! – твёрдо проговорила Колмогорова.

- Заглохни, сопля тупорылая! – завопил главарь, потрясая громадным тесаком, размером чуть ли не со ствол взрослой сосны.

И затем вновь повторил, уже настойчивее:

- Так ты пойдёшь под наше знамя и поможешь отстоять вольность ойчизны?

- Нет! Я присягу не меняю!

- Глупец! Теперь ты сдохнешь, как позорный шакал, и ни одной микстуры не получишь. Затем пан Кшепшицюльский облизнул губы и приказал своим поделникам:

- Лекарку берегите. Увижу, что хоть пальцем тронули без моего ведома, прикажу утопить в реке.

И ещё добавил, обращаясь уже как бы в пространство, не к кому-то конкретно:

- Но если хоть один раз что заподозрю, что можно было спасти раненого, на осине повешу, как Иуду.

С этими словами Кшепшицюльский подошёл к своему коню, которого как раз подвели под уздцы, взлетел в стремя и распорядился:

- Уходим! Ещё не хватало в лапы охлократов попасть.

- А кучера куда?

- С собой захватим. Будет у нас чёрную работу делать. Кому-то же этим тоже надо заниматься в отряде, и не благородным же господам.

- А его колымагу?

- Мачей, хоть ты и мой племянник, но остолоп ещё тот! Даже баклажан в огороде и тот лучше бы соображал! Вот что ты с ней делать будешь? Сыпать в неё овёс и пришпоривать?

Брошенное авто обнаружили спустя двадцать пять минут. Формально сроки возврата ещё не вышли, но всё же решили связаться с тем самым гарнизоном. И – не смогли, так как уходя, инсургенты предусмотрительно порвали телефонный провод. Это сразу заставило отправить группу на осмотр дороги. Она-то и доложила начальнику аэродрома о своей находке, и о том, что около машины есть многочисленные следы неизвестных людей. Спустя четыре минуты радист уже долбил по своей рации.

А в это время пленные тихо переговаривались между собой, косясь в сторону захватчиков:

- Мда... Выходит, они всё время находились на низком старте, - утрюмо пробормотала Колмогорова.

- Точно. И ещё – значит, всё идёт уже точно «не по учебнику», раз решили не ждать шестьдесят третьего...

- И что теперь делать?

- Ждём. Скоро наши должны как-то вострепнуться. А бежать прямо сейчас нельзя, слишком опасно.

Глава 5. Приходится действовать

Спустя примерно час пришла ответная радиограмма из центра. Она была чрезвычайно тревожной, хотя и сухой по форме. Начальник аэродрома аж опешил:

- Массовые беспорядки в различных польских городах и сёлах. Ряд нападений на воинские отряды и посты. Несколько ручных бомб брошено в разных местах в официальные учреждения. Значит, это не просто вылазка, это повсюду так. А мы прошляпили...

Как раз в это время возглавлявший поисковую группу офицер вышел на условленный сеанс связи и сообщил, что при прочёсывании местности ничего важного более не обнаружено, что злоумышленники скрылись достаточно далеко. Также он указал, что в одном из польских селений поблизости суматоха, что там говорят о каких-то появившихся поблизости вооружённых отрядах. Эти отряды забрали часть продуктов, увели нескольких лошадей, сказав, что «идут драться за свободу».

- Мда! – только и мог крикнуть начальник аэродрома. Затем он сразу приказал своему подчинённому:

- Прочёсывание отставить. Всем вернуться в расположение. Всем – полная боевая готовность.

В сталинградском же генштабе и вовсе хватались за голову. Как оказалось, увлечшись делами собственными и активностью в дальних регионах, прозевали события весьма впечатляющие и крайне неприятные практически под боком. И не просто прозевали, но и допустили, получается, захват нескольких десятков собственных граждан – в том числе даже военных! – которые теперь оказались всецело в руках противника. Что с этим делать прямо сейчас – особо никто не представлял.

И вмешиваться особо нельзя, потому как могут не понять, всё-таки, даже у себя внутри страны многие. Целое поколение выросло на картине с героизацией польских сторонников независимости и с демонизацией тех, кто им противостоял. А тут – самим выступить на стороне «тёмных сил», оказаться в одном строю с душителями всяческими? Но и не вмешиваться невозможно, потому что единственный раз дашь слабину, позволишь похитить собственных людей безнаказанно, так враги этим обязательно воспользуются и будут каждый раз проверять на прочность. В этот-то раз только похищения практически и были, напали на застигнутых врасплох гражданских, которым не посчастливилось оказаться на пути вооружённых отрядов оппозиции. А что будет где-нибудь потом, где не проявят уже такой щепетильности, где страх перед грозной мощью окажется развеян невмешательством?

Впрочем, после первых сиюминутных колебаний второй подход однозначно перевесил. Требовалось как можно скорее показать всем врагам, что с тобой шутки плохи. Что ты не станешь просто так спускать на тормозах нападение, а примерно накажешь всех, кто к нему причастен... хотя бы тех, до кого можно дотянуться.

- Так, прервал эту социологически-историческую дискуссию начальник генерального штаба, - К делу! Что мы вообще знаем о происходящем и что можем о нём узнать быстро? По каким каналам?

- Во-первых, в Варшаве и в Берлине есть уже резидентуры МГБ и ГРУ, пусть и слабенькие пока что. Мало людей, особенно опытных в таких делах, оперативники-то есть, но не со специальной подготовкой в основном. Разведслужбы уже ориентировали, конечно, на сбор информации о польских делах и о том, что планируется инсургентами, какие действия они способны предпринять и какими силами располагают для своих акций. Но сведения начнут поступать только через несколько дней. Плюс можно поднять в воздух 3 самолёта-разведчика, которые обнаружат общую картину – кто куда движется, где происходят бои и насколько сильные, кто контролирует какие районы местности. Плюс отправлены запросы по радио нескольким рос-

сийским частям... у кого оно было. И... отвечающий замялся, предвидя крайнее раздражение начальника, - две части уже не ответили на запросы.

- Ну, то есть, почти ничего нет. Оперативных сведений нам не получить. Сил для реагирования в самих польских территориях нет, даже их переброска по воздуху займёт много часов, а сколько-то крупные отряды сможем доставить и сосредоточить только спустя дня три-четыре. Инициатива полностью в руках противника. И вдобавок не просто разгромлены или рассеяны отряды войск нашего основного союзника, не просто похищены наши сограждане, но ещё и оказалось в руках врага несколько военных радиостанций. Замечательно. Просто превосходно. Эти приборы, конечно, уже вывозят экстренно, в обстановке глубочайшей тайны, в Пруссию, в Англию, Францию... Короче, полный провал по всем направлениям. Прошляпили всё, что только можно.

- Ну так сколько времени-то было. Настоящую резидентуру-то за это время не наладишь. Она десятилетиями выстраивается, особенно в таком сложном месте, как европейские страны. Там мы можем связываться по сути только с разного рода маргиналами, каковых очень узкий круг. Проникнуть с их помощью в аристократический салон, в военное ведомство какое-нибудь, в контрразведку или на оборонный завод нечего и думать. Не потому что всё под контролем, а потому, что таких не пускают на порог в «приличном обществе», что называется.

- Так, а что же вы, как начальник военной разведки, можете сказать по существу? Не оправдываясь и не ссылаясь на проблемы, а объясняя, что делается для их решения?

- Прежде всего, мы собирали сведения об активности иностранных разведок и об их попытках заполучить секреты.

Всё остальное, в том числе, активность местных политических сил, по инерции отслеживалось. Поймите, сил очень мало.

- Прекрасно. Значит, вот как вы соблюдали сохранность секретов – позволив добыть их в готовом виде при простейших вылазках. Что скажет начальник тылового обеспечения армии?

- Могу только то сказать, что наличных сил вполне хватало для охранения периметра аэродрома, но не более того. Никаких войсковых или специальных формирований, которые могли бы вмешаться в разворачивающийся хаос, не имеется.

- Так значит надо уже их перебрасывать! Не снимая с себя ответственность за произошедший лютый провал, я, как руководитель генштаба, теперь приказываю: отправить подразделения армейского спецназа для разведки на местности и для преследования тех групп вооружённой оппозиции, которые совершили нападения на наших людей. Виновных по возможности задерживать и доставлять в органы правопорядка, при невозможности задержания – уничтожать на месте.

- Но это означает, что мы втягиваемся в противостояние, причём на имперской стороне, что ли? Второй раз уже...

- Да, втягиваемся. И не оттого, что Петербург нынешний сколько-то хорош для нас, а оттого, что ничего лучшего всё равно нет. Потому как правительство империи хотя бы не старается похищать наших людей и заниматься прочим террором против них.

4 июня 1857 года, отряд пана Кшепшицпольского.

Шляхтичи были довольны своей добычей, горделиво цокали языками друг перед другом. Они бы и в воздух пожалуй постреляли бы от радости, не будь заряды настолько необходимы в ближайшее время. «Борцы за свободу» по достоинству оценили отобранный у водителя карабин; сам же он был, конечно, связан и оставлен под надёжным караулом в тени высокого дерева. Не оттого, что заботились об его благе хоть как-то, а оттого, что сторожившим его двум боевикам совсем не улыбалось в такой зной стоять на открытом солнце. Это же бараны всякие сельские сейчас изнемогают, работая с пшеницей да скотом, а люди благородного звания дело иное, те очень даже нуждаются в покое. Если бы ещё не проклятые вражеские войска... но ничего, думал каждый из этих людей, вот нажмём теперь покрепче, да погоним тех, кто

нам мешает властвовать безраздельно. Тогда-то и начнётся настоящее счастье для избранных небесами панов и их верных спутников! Вина польются рекой, от блюд с жареной бараниной будет рябить в глазах, а самое главное – не какая-то презренная присяга и прочая чушь будет, а священный рокош!

Внезапно один из подручных вдруг подошёл к главарию:

- Ясновельможный пан, там эта москвитка вас допрашивается.

- Чего ей надо?

- Да говорит, что больного всё равно тащить нельзя, сами заразимся, мол.

Кшепшицюльский закрутил ус, одёрнул складку на жупане. И рассмеялся:

- Мы – и заболеем! Да истинным сынам свободы эти болезни туранской расы не страшны.

Но всё же я с ней поговорю, снизойду, стало быть, до этой низкопробной дряни.

И – решительными шагами, явно любуясь даже собой и величием своей поступи, направился к месту, где держали пленников во время стоянки.

- Ну, курва, что ты ещё сочинить вздумала?

- Повторяю, у больного – тиф. С этим шутить нельзя. Сами же пострадаете.

- Хватит меня пугать. Я ваших жандармов проклятых не боюсь. А уж заразы всякой – тем более. Матка боска ченстоховска прикрывает меня надёжно.

- Чего же вы добиваетесь?

Кшепшицюльский зло сплюнул на носок своего сапога:

- Свободы для ойчизны, неужели не ясно?

- А мы здесь причём?

- Вы – москвиты поганые, вот и весь сказ. Век бы вас не видать... Чего вы все лезете к нам, лаптеногие? Копались бы в своём навозе в дурацкой Рязани или где вы там в норах живёте, да и поклонялись бы своему царьку-глисту! Воздух был бы чище у нас.

- Я не из Рязани, и к империи отношения не имею. Неужели неясно?

- Имеешь, скотина, ещё как имеешь! – Кшепшицюльский оскалился. – Все вы, кто московским духом вонючим пропитан, едины. Тираны ваши вас устраивают, так и оставались бы под ними. Нет же, надо обязательно ещё и другим своё позорное рабство навязать...

- И в чём же наше рабство?

- А в том, - пан задорно рассмеялся, но в его смехе слышались нотки угрозы, - что соль нации, её ядро и суть – это земельная аристократия. У вас её нет, значит, вы все рабы сверху донизу. Рабы вечные и мечтающие только о том, как бы других под себя подмять. Вот твой отец и мать – кто они, каким делом занимались?

- Отец железнодорожник, мать пекарь.

- Вот видишь, - даже не из купеческого доброго сословия. А из всяческих гнид и червяков, которые никому вообще не нужны. Так что предки твои хлопы, и сама ты – гнусная омерзительная хлопушка!

Процедура решительного ответа раскручивалась со всей серьёзностью, только поначалу это происходило как будто замедленно, нехотя. Командир спецгруппы, майор Никитин, был человеком тёртым, жизнью побитым. Пару раз попадал он в засаду – однажды к германским отборным егерям, в другой к Аковцам в начале 1945-го, так что как раз с польскими инсургентами он имел собственные счёты. В том бою, произошедшем уже после прорыва армии за Одер, его группа проводила осмотр местности, чтобы обеспечить беспрепятственный подвоз оружия и боеприпасов на фронт. Там-то, в лесу, их и подловили, действовали на противоположной стороне настоящие волки, один из них, как оказалось, ещё задолго до мировой войны служил в дефензиве, и крепко служил... сам рассказал о своих «подвигах по защите цивилизации от грязного варварства». Тогда этого деятеля забрали аж в столицу, и там он основательно пел о том, что на самом деле совершил... ибо всё-таки был специалист, пусть и гад мерзостный,

и понимал, что для таких же спецов – является открытой книгой всё равно, так что лучше честность.

С тех пор, что бы там не говорили записные моралисты, майор усвоил твёрдо: доверять подобным субъектам не стоит. И лучше всего, если у тебя есть оружие, а у них нет. Жаль только в действительности точно так выходило не всегда. Но теперь, пакуя рюкзак и проверяя свои пистолеты, Никитин задумался и о другом, и эта мысль ему очень не по вкусу пришлась.

«Сейчас мы готовимся к бою с людьми, которые гораздо хуже нас вооружены. Но пуля, даже мушкетная или из кремнёвого пистолета выпущенная, всё так же смертоносна. И очень глупо терять тех, кто как раз подготовлен лучше и крепче, чем вся эта шантрапа, которая сейчас вокруг Варшавы круги нарезает по лесам, мечтая о восстановлении былого величия и процветания. Надо основательно всех проинструктировать, короче».

Поэтому, в ожидании машины, которая должна была отвести их на военный аэродром под Ростовом, майор старательно доводил до подчинённых эту мысль. Прибыв на базу, они потратили около двух часов на укладку личных и грузовых парашютов. Наконец, трудяга Ли-2 взлетел и направился на северо-запад; впрочем, добраться до нужной точки сразу не получилось, пришлось садиться на дозаправку на аэродроме под Белой Церковью. И там Никитин с удовлетворением увидел в иллюминатор, что служба охраны поставлена как следует. На подходе – оборудован капитальный пост, есть там и мотоциклы для реагирования, и скорострельное малокалиберное орудие, на случай, если враг совсем уж нагло ползёт вперёд значительными силами. Появилась ли такая охрана сразу, или её направили сейчас, на всякий случай, майор не мог знать, но мысленно поставил плюс неведомому начальству, которое проявило такую предусмотрительность.

Садиться в конечной точке под Варшавой можно было бы, но командование решило иначе: пусть сразу проверят по дороге окружающую местность. Заодно, может быть, хоть часть враждебно настроенного элемента умножат на ноль. Впрочем, в это сам Никитин ничуть не верил: он-то понимал, что после диверсии или вылазки удачной первое дело убираться максимально далеко от того места, где добиваешься успеха, и ничуть не считал польских аристократов глупее себя в этом плане. Отряд после десантирования шёл по сосновому бору, и, поскольку было уже около семи часов вечера, то следовало скорее добраться до нужной точки, а не прочёсывать вообще всё вокруг. Да такой задачи перед спецназовцами и не ставили, наоборот, от них требовалось выйти всё же на аэродром и ждать дальнейших указаний, как работать против нового противника.

Придя в назначенное место, Никитин одним из первых выдвинулся вперёд. На КПП произнёс:

- Сумрак.

- Пароходство. Ладно, проходите, размещайтесь.

Как оказалось, тут уже даже часовые в курсе о прибытии спецгруппы. Хорошо, - мелькнула у него в голове мысль, - что сейчас никто не ходит в ближайшие места, и потому узнать об этом у врага возможности не было. А если и была, например, кто-то увидел саму высадку, пока ещё эта новость с конными курьерами доберётся до всех полевых командиров... Нам это как раз на руку – развил майор свой тезис – проще и чище будет работать.

Что его особенно удивило, так это стоящие на аэродром 3 самолёта Ан-2.

- Это кто такие вообще и откуда прилетели? – поинтересовался Никитин у начальника воздушной базы. – Чего их тут никого не видно?

- А, это роту лейб-кирасир Псковского полка перебросили. Всё же земля это Российской империи, а не наша, пусть сами порядок и наводят в основном. Тем более как раз имперцы и запросили подобную поддержку, мол, не успеваем, время уходит, мятеж разрастается, а войска всё ещё в дальней дороге, и идти им не одну неделю. Вот потому-то этих кирасир и перекинули сюда. Сейчас они округу осматривают и ближний периметр как завеса держат. Нам спокойнее,

потому что сам понимаешь: охрана полудохлая, плюнуть да растереть было, а дорвись эти деятели до хранилища с горючкой, всё же спалят начисто, и самолёты, да и лётчиков перебьют.

- Я бы на их месте как раз за лётчиками да аэродромным персоналом и охотился в первую голову. Это куда важнее, чем генералов уничтожать, - задумчиво откликнулся Никитин, заходя в приземистое здание комендантского взвода, построенное из силикатного кирпича.

- Ага – кивнул ему начальник, явно погружённый в свои мысли. В этот момент их беседу прервал заместитель начальника, который постучался в кабинет. Как выяснилось из его доклада, в ходе рейда по ближайшим окрестностям кирасиры никого не обнаружили, что не удивило спецназовского майора ничуть: сейчас враг точно залёт на дно в ожидании ответной реакции, и старается забиться в глухие места, чтобы не попадаться на глаза.

- Выходит, - задумчиво протянул Никитин, - теперь суперэлитную кавалерию, которую учили палашами салютовать императору на плац-парадах, используют как простые внутренние войска.

- Да тут вообще всё гораздо проще и прозаичнее, - хмыкнул начальник аэродрома, потягиваясь в кресле и беря очередной листок бумаги. На то и армия, считают, чтобы сражаться. Тем более что именно тут они и смогут биться с врагами своего монарха. На дальних подступах отражать опасность, так сказать.

В этот момент заместитель вновь постучал в кабинет.

- Ну что там ещё, Тарашкин!

- Тут крестьяне окрестные пришли, вернее, их привёл начальник кирасирской стражи. Говорит, важные сведения имеют об отряде, который по округе шарится.

Лицо майора немедленно стало сосредоточенным. Он потребовал:

- Зови тех крестьян поскорее, будем говорить с ними.

В кабинет зашёл кирасир в своей каске, мундире, державший в одной руке пику с флюгером. За ним шагнул местный житель, в фетровой шляпе и одноцветной рубашке.

- Ваше благородие, дозволейте слово молвить...

- Говори, не тани.

- Бегают тут паны нездешние, из леса выходят. К нам заходили, с ксёндзом о чём-то шептались, так тот сразу заулыбался, ровно кот, бочку сметаны сыскавший. Потом собрали нас и сказали: надо, мол, выручить Польшу. Про ржонд какой-то балакали, который где-то собирается и решает большие дела. Потом ещё прогнать чужих начальников грозились, про вас дурными словами отзывались.

- И дальше что было?

- А о высших властях уже так отзывались, что и повторить совестно. И немедля распорядились, кому из нас какую часть скота забить, да им на пир отдать. У хромого Юзефа последнего коня со двора свели. А без коня – какая же вспашка будет... Да у них ружья сразу в руках, где уж там драться.

- Деньги брали или только добро?

- Звонкой монетой тоже не побрезговали сии господа. С деревни забрали пять рублей, и сказали, ещё скоро придут, чтобы готовили новую дань.

Глава 6. Активный поиск

Никитин построил своё воинство, и в свете фонарей объявил ему:

- Значит так, орлы! Хотя уже стемнело, но этих мерзавцев мы должны обнаружить, затем захватить либо ликвидировать. Но будьте крайне осторожны, помните, каждый из вас незаменим, и стоит в разы больше проклятых гадов. Задачу выполнять важно, однако не рвитесь вперёд и не стреляйте, если нет полной уверенности в успехе. Лучше доложите мне и без приказа ничего особенного не предпринимайте.

Для оцепления района решили привлечь всё тех же лейб-кирасир – пусть и слабая, но всё-таки помощь, вдобавок, вполне знающая «современные» приёмы ведения войны армия. Правда, они очень слабо представляли особенности местности, всё-таки с картами дела обстояли пока из рук вон плохо. Но это ничуть не мешало бы, конечно, прочесать кусок леса, вести патрулирование на дороге или даже вступить в бой с выдвигающимися вперёд силами врага. Впрочем, командовать этим сводным отрядом всё равно назначили офицера из «самоновейших времён», как соизволил выразиться один из кирасирских младших офицеров. Всё-таки пока ещё люди 19 века не были готовы применять эффективную тактику прочёсывания, а при вражеской атаке – грамотно использовать возможности миномёта.

Часть кирасир при этом направили не на самый охват периметра, а на перекрытие удобных водопоев (они же и броды, по сути), перекрёстков дорог. Потом остальной сводный отряд построили в цепь с дистанцией 15 метров. Кого конкретно ищут, тогда ещё толком не представляли, даже не знали примерной численности противника. Оттого-то майор Никитин и нервничал, требовал от своих подчинённых постоянной бдительности и готовности открыть огонь. То и дело отправлял посыльных, чтобы выяснить, как обстановка меняется. Командир стоял на возвышенности и постоянно смотрел в разные стороны, поводя биноклем; немного успокаивало его лишь то, что позади основных сил – ещё пара небольших групп. Если враг попытается прорваться, всё равно на них почти гарантированно нарвётся. Да, тогда закипит жестокий бой, и придётся поспешить на выручку малочисленным отрядам, которые подвергнутся опасности – но на то и военное время, чтобы смерть всегда рядом ходила.

Внезапно один из бойцов заметил подозрительное шевеление впереди. Снял ППС с предохранителя.

- Стой, кто идёт!

Ответом ему была пара выстрелов, слившихся в один. Поляки бросились вперёд и попробовали было прорваться «на арапа». Однако их надежде сбыться было не суждено, ответный огонь оцепления оказался неожиданно для них мощным и эффективным. Группа начала сжимать кольцо окружения, а Никитин срочно связался по рации с начальником аэродрома.

- Ждите, через 10 минут к вам для поддержки прибудет пара Ил-2! – прокричал тот, и сразу остановил сеанс связи. «Срочный вылет уже готовится», мелькнула в голове майора мысль, а потом сразу вытеснилась другими побуждениями – следовало как можно скорее изолировать и зажать блокируемых, не дать им действительно уйти от прочёсывания, опомниться хотя бы. Потому Никитин командовал коротко:

- Гаси басмачей! Никто не должен уйти!

Бой начался уже очень скоро, как оказалось, они удачно зажали врага. Тот пробовал как раз отходить, периодически постреливая в сторону, с которой, как ему казалось, только и исходила опасность. Но уже спустя пять минут тот самый Яцек заметил, что к ним приближаются и с другого края.

- Обложили, скоты! – яростно выкрикнул он, выстрелив из пистолета в направлении показавшейся примерно в полусотне метров фигуры. Не попал, правда, да и не мог попасть, на таком-то расстоянии, да из кремнёвки.

- Болван! – злобно зашипел на него Кшепшицюльский, одновременно пригибая своему спутнику голову за загривок. И вовремя! Сразу же над ними прошла короткая очередь.

- Это я-то болван! – не менее зло прокричал младший пан, дёрнувшись всем телом и не прекращая, однако, отступать и лихорадочно высматривать возможную брешь в кольце окружения. Больше, однако, беседовать им не пришлось, потому как теперь только и оставалось, что стрелять и перезаряжать. Поначалу они радовались тому, что в их отряде у всех почти имелись ружья и пистолеты, но вскоре с ужасом осознали, что враг гораздо сильнее, чем ожидалось, так что даже на прорыв рассчитывать уже нельзя, хотя «своих» в шайке и было явно больше. У Кшепшицюльского от переполнявших его отчаяния и ненависти к врагу начало ломить в висках. Однако, надо отдать ему должное, аристократ сумел-таки взять себя в руки и осмотреться по сторонам.

Брови поляка полезли на лоб, когда он заметил, что кольцо как будто начинает размыкаться, хотя среди атакующих не было заметно потерь. Но в следующее мгновение он просиял:

- Вперёд! Уходим!

И кавалькада всадников лавиной кинулась в сторону образовавшегося разрыва. Краем сознания Кшепшицюльский подметил одну странность: по ним отчего-то не сделали теперь ни одного выстрела. Резвые кони неслись по дороге галопом, удаляясь от изолировавшего было их отряда. Вожжи натянулись до предела, верховые усердно работали шпорами, стараясь воспользоваться неожиданно предоставившейся удачей. И лишь спустя ещё несколько мгновений они осознали, что именно произошло. Это была просто часть плана атакующих.

Агрессивный пан смотрел, как на его отряд пикируют штурмовики. Догадаться о таком оригинальном приёме он не мог, да собственно, и майор Никитин практически в самый последний момент сообразил только, как лучше сделать. Выпустить за пределы кольца вражескую банду, чтобы она расслабилась, рванула в нужном направлении и... попала под удар авиации. А затем – уже без особого риска действительно окружить и схватить деморализованных инсургентов.

Правда, не все из них были деморализованы одинаково. Если сам Кшепшицюльский гневно сверкал глазами и вопил:

- Не подходите ко мне, не смейте трогать своими подлыми руками!,
то его племянник только лишь раскачивался мерно, потеряв всякую волю.

Подошедший к нему Никитин даже покачал головой:

- Экий артист же! Ловко под дурного работает.

Командир кирасиров кивнул:

- Похоже на то.

Спустя два часа непомерно амбициозный пан уже давал показания, находясь в выделенном для допроса помещении на аэродроме. Он уже откровенно стух, поскольку осознал, наконец, насколько серьёзна игра, в которой попытался участвовать со своими сообщниками.

- Кто ваш куратор?

- О ком вы говорите, мерзкий сатрап? Не понимаю вашего быдляцкого волапюка.

- Попрошу не выражаться! Вы находитесь во временном управлении министерства внутренних дел. Отвечайте, кто над вами стоит?

- Доблестный Людвик Мерославский надо мной стоит. Муж доблестный и благородный, не чета вашим молотобойцам! Он уже взял власть в свои руки, и царские клеветы в панике бегут. Ничего, для каждого найдутся не вилы, так кинжал. А вы будете висеть!

- Как вам удалось собрать 129 человек в свою бандгруппу?

- В свою что? Ах, да. Моя гвардия польской свободы собралась по зову сердца. Из людей честных и отзывчивых, которым не безразлично горе поруганной и растоптанной страны.

- Где ещё действуют отряды?

- Это мне неизвестно, а если бы и знал, то никакие муки, которые вы, дети сатаны, измыслить способны, не раскрыли бы мои уста.

- Ничего, мы их всех с воздуха найдём.

- Вы найдёте? Ну, значит, я был прав. Вы – заодно с сатрапскими ублюдками. Вы им собираетесь помогать, чтобы удержать нашу страну в рабстве. Подохни, московский гнилоумец!

Последнюю фразу пан Кшепшицюльский выкрикнул, бросаясь из-за стола на допрашивавшего, намереваясь вцепиться руками в шею и сдавить её с предельной силой, на которую способен. Однако оперативник увернулся, схватил его за руку, каким-то неуловимым для шляхтича образом крутанул её, так что из ясновельможных глаз брызнули злые слёзы.

- Что, подонок, думал, я тебя пристрелю? Не-е-т, таким как ты ещё много предстоит рассказать. И предстать перед судом по всей форме.

Ответом на это стал сочный плевок. Пришедшийся, правда, мимо, что заставило Кшепшицюльского скрежетнуть зубами от досады. Однако допрос продолжился:

- Где находятся пленные?

- В одном тайном месте. Я туда их распорядился отправить заранее и спрятать. И не скажу, где оно, ха-ха-ха!

- Не беспокойтесь, гражданин Кшепшицюльский. Кто-нибудь из ваших же людей всё и выдаст. А если нет – округу перевернём, а найдём!

Услышав, как его обозвали «гражданином», латифундист истошно заверещал. Однако даже прикрыть глаза руками не мог, потому как теперь, как особо буйного, его придерживал стоящий позади плечистый сержант. Новая попытка встать сразу оказалась пресечена лёгким ударом по ноге в район подошвенной косточки. Арестованный после этого окончательно сдурел и смирился со своей участью. Полностью подтвердились те показания, которые он дал на месте, непосредственно во время аккуратного полевого допроса. Тогда Никитин, правда, не успел добиться от него никаких данных о местонахождении похищенных бандой людей: машина за задержанными боевиками пришла очень быстро. Но, тем не менее, перевернул всю округу в самом что ни на есть прямом смысле, мобилизовал ради поиска даже несколько десятков местных жителей. И, что характерно, отыскал украденных ещё до того, как горделивый, но нестабильный пан, сдался и выдал всё.

8 июня 1857 года в сталинградском генштабе царило оживление. По коридорам проносились курьеры, офицеры готовили карты и планы для дальнейших действий. И при всём при этом угадывалась, впрочем, некоторая растерянность, вроде бы не свойственная такому учреждению.

- Итак, мы перебрасываем силы на подавление крупномасштабного бандитизма?

- Да, верно. И не просто перебрасываем, но и планируем действовать решительно, всеми доступными нам конвенционными средствами.

- Ну, полагаю, танки и тяжёлую артиллерию задействовать в этом случае всё равно что палить из пушки по воробьям. Силы противника слишком распылены, чтобы оправдывалось применение подобных средств.

- Значит, основную работу придётся выполнять нескольким высаженным десантам. Кто, кстати, на подкрепление идёт?

- Перебрасываем пехоту обычную – для патрулирования и гарнизонной службы. Потом идёт контрразведка и офицеры госбезопасности, чтобы максимально эффективно расследовать все преступления. Отправили также восьмерых криминалистов.

- Основную работу боевую всё-таки берут на себя имперские части..., полуутвердительно сказал глава генштаба, отойдя к окну и что-то за ним рассматривая.

- Так точно, - отрапортовал его заместитель. – Задействуем военно-автомобильные части для скорейшей переброски подкреплений и снабжения их.

- Хорошо, а чем занимается части специального назначения? Только отлавливают отдельные бандгруппы или уже начинают теснить бандформирования в лесах капитально?

- Пока – этап отлавливания. Очень помогает авиаразведка. Она, кстати, ведётся не только на имперской территории, но и над землями соседних Австрии и Германии.

- Знаю, - с улыбкой отреагировал начальник. – Мне уже передали протесты, которые вкруговую, через бразильское представительство, вручили нашему МИД. Мол, сколько можно попираť святую свободу, не надо лезть своим невымытым славянским рылом в наш цветущий европейский сад... Ну, в общем, конечно, не так написано, всё же политесам местная дипломатия придаёт огромное значение. Но суть – как раз такова.

- Ну, всё-таки, хотя разведку ведём, непосредственно бомбить и обстреливать цели на сопредельной территории не стоит, - хмыкнул заместитель.

- Да, точно, как бы это не казалось притягательным с чисто военной точки зрения. Потому что прямо сейчас спровоцировать большое столкновение с европейскими державами для нас откровенно невыгодно.

- Это да, но всё же гложет меня где-то сомнение, что они быстро усилятся и наверстают отставание, тогда и нам придётся несладко...

- В каком-то смысле да, однако в ином – лучше и разумнее подождать. Укрепить тылы, развиваться и поддержать развитие наших нынешних и будущих союзников. Одно превосходство в вооружении решает ещё не всё, сам понимаешь. Важно ещё и количество сил, которыми располагают стороны. И – их качество. Что толку в пресловутом миллионе солдат российской императорской армии теперь, если они не могут выдержать сколько-то долгую настоящую борьбу с противниками на их территории? А это значит, что перед тем как посылать их в наступление в Европу в случае чего, придётся всё войско перевооружить и переоснастить. И армию, и флот. Чтобы к 1870-1875 году они соответствовали хотя бы уровню реального 1910 года из нашей истории. Вот тогда и только тогда они смогут быть эффективной боевой силой.

- Хм, но для этого придётся приложить адовы усилия в других сферах. Нельзя переменить армию и флот, не развивая хозяйство страны в целом, не улучшая транспорт. Да одно образование и здравоохранение придётся с нуля, по сути, создавать, так как имеющееся вообще никуда не годно!

- Ладно, поговорили о великих и дальних делах, а теперь к ситуации нашей нынешней. Сколько понадобится санитарных самолётов на завтрашний день, по предварительным прикидкам, и сколько горючего для них нужно отпустить?

И оба генерала опять погрузились в карты, зашифрованные донесения, списки...

Ксёндз Мариан Цеханувский 10 июня 1857 года сидел в своей комнате и писал письмо своему брату по несчастью. Да, именно по несчастью, в этом сомнений уже совсем не оставалось. Хотя в небольшом домике под черепичной крышей ничего как будто не поменялось, и даже самый внимательный взгляд не обнаружил бы отличий в обстановке от той, что была месяц или полгода назад, за пределами этих стен разворачивались события, которые были совсем уж не по душе верному слуге святого престола.

Мариан уже подумывал было, не зайти ли в лавку и не приобрести ли там обычное средство утешения, к которому часто прибегали его прихожане. Но в итоге всё-таки не решился, потому как нехорошие слухи могут поползти по их уютному Белостоку. Ещё, чего доброго, до епископа дойдут, и тогда уже, может быть, и из сана даже извергнут. Кардиналы-то сейчас лютуют, ревностно следят, чтобы правильное слово вносилось неукоснительно, - размышлял про себя Цеханувский, встав из-за стола и прохаживаясь в волнении по комнате. Затем сел и, горестно вздохнув пару раз, всё же взял перо в руки.

«Достопочтенный брат во Христе Казимир! Если вы читаете это письмо, то да сохранит вас господня благодать и да убережёт от пакостей века сего, от происков князя мира сего. Наше дело в величайшей опасности, коя ему не грозила никогда прежде. Даже в те дни, когда

проносился через наши места, как Ирод, проклятуший мерзотный Суворов, было лучше. И когда гнилоголовый Паскевич вновь шёл попирать святыни нашей доблести и независимости (пусть кипит он во рву на седьмом круге ада, во славу господя нашего и во имя понтифика!), даже тогда столь страшно не было.

Не стану утомлять вас, любезный Казимир, перечислением всех бедствий, которые обрушивают на нас нынешние амаликитяне. Скажу лишь, что они полюбили истреблять верных слуг нашей святой церкви с помощью своих богомерзких летающих колесниц. Люди честные и доблестные, идущие защищать наш исстрадавшийся под пятой схизматических тиранов дом, выслеживаются с упорством и злобой, о которых не мог мечтать даже и ничтожный властолюбец Нерон. Вражеские ружья много лучше тех, которые есть у сынов нашей злосчастной ойчизны.

Прошу вас, будьте осторожны. Служители Люцифера побывали уже и в моём скромном жилище, уточняли, где я бывал за последние несколько недель. И, что особенно прискорбно, пасомые наши, особенно люди презренного звания, забывают о долге своём христианском и гражданском, склоняют покорно шеи перед подлыми завоевателями. Уже не один случай знаю, когда дают добровольно кров и постой прибывающим солдатам, когда рассказывают им, где находятся сыны свободы и что они делают. Я изо всех сил призываю людей быть верными и разумными, но безумная жадность и сумасбродное богохульство всё чаще овладевают земледельцами. Какое горе слушать их разговоры порой! Как тяжело осознавать, что застывшие им глаза зависть и чревоугодие встают непреодолимой стеной на пути нашей проповеди! Чаше и чаще говорят теперь, что пан – им не друг и не защитник, а какая-то чуждая, мрачная сила.

Но помрачение умов в руке божией. Сие испытание, посланное нам небесами, не преломит воли нашей и решимости нести свет истины заблудшим душам. И никакие смущения и уловки прихвостней Вельзевула не остановят нас на этом пути. Да воссияет католическая звезда над всеми землями, и да расточатся схизматики, лютеровы придурки и прочие враги наши!».

Закончив это письмо, Мариан осторожно, стараясь не шуметь и не привлекать лишнего внимания, вышел из дома и прошёл в костёл, расположенный прямо напротив. Там он отдал запечатанный сургучом конверт доверенному человеку, ещё несколько минут провёл в храме после его ухода, и затем с преспокойной совестью отправился к себе домой опять...

Глава 7. Отлом в сторону

Пока же один ксёндз писал другому письмо, полное гневного порицания собственной паствы, эта самая паства усердно гнула спины. Пусть и в переносном смысле – начало июня 1857 года выдалось хорошим временем для сенокоса, и крестьяне торопились поскорее завершить его. По каким-то одним им ведомым приметам говорили старики:

- Быть дождю через пять дней.

И жители окрестностей Белостока торопились. Тем более что и пан этих мест – не Кшепиццольский, конечно, пребывавший уже под бесповоротным арестом, а другой, Михал Дмовский, настоятельно требовал выполнять барщину. На всю округу Дмовский слыл хитрецом, способным сладить с какими угодно властями. Этим славились ещё его отец и дед, которые умудрились остаться при своём и даже немного приумножить богатства в то время, когда через их земли то в одну, то в другую сторону шли наполеоновские солдаты. Если в 1804 году семейство Дмовских имело всего каких-то 600 гектар угодий, то в 1809 – уже 820, а к 1817 году эта площадь уже превысила 1000 гектар. И что характерно, даже самые рьяные приверженцы каждого нового правительства не находили ни малейшего повода прицепиться к этим дворянским приобретениям, не могли доказать, что дело – в приверженности предыдущим властям и их ответной благосклонности.

Тем не менее, как бы шито-крыто всё не было на бумаге, ухаживать за землёй всё равно следовало старательно, невзирая на то, каким образом она приобреталась. И Михал то и дело вызывал своего приказчика и ледяным тоном отчитывал того:

- Почему навоз всё ещё не вывезен?

- Когда, наконец, починят мост через реку?

- Отчего так мало людей пропалывает мои поля?

Ну и всё в таком духе... Приказчик вздыхал горестно только. Как же объяснишь этому самовлюблённому болванчику, что силы у крестьян и так на исходе, что много угнано скота, забраны необходимые инструменты порой этими пресловутыми героями национального освобождения. И что требовать от селян ещё и не ухаживать за своими собственными угодьями значит их вконец запустить. Сейчас выжмешь побольше, как требует пан, а потом вообще ничего не получишь.

Идя обратно к своему дому, приказчик уже мог ругать своего помещика, не стесняясь... практически. Разве что полушёпотом, и то только в тех местах, где никто его не слышал заведомо. В голове теснились мысли одна за другой. «Если не почистить колодцы ещё десять дней, будет плохо, вода начнёт вонять и миазмы всякие пойдут. Телеги тоже не исправлены пока, как ни добивался я от пана этого времени, ему всё равно, а потом, как страда начнётся, так сразу будет недоволен, чего так мало возим».

Дмовский же, ещё раз прокрутив в голове только что полученный доклад, сел за стол и сосредоточенно засопел. Требовалось поскорее написать в уездную канцелярию о размере недоимок, чтобы ему помогли их взыскать с крестьян вернее. «Дурацкие охлократы!» - сжал он кулаки до побеления в суставах, - «нет бы честным дворянам явиться было три года назад, ан нет, всякие смутители воды суетятся». Затем помещик откинулся в кресле, переводя взгляд по комнате. Увиденное его не очень порадовало: хотя имение разрослось, доходы выросли далеко не в той степени, в которой рассчитывал пан. А ведь налоги только выросли за последнее время: хотя война завершилась в итоге на редкость удачно, но обложение поместий усиливалось. С чем это связано, никто публично не говорил, однако в дворянских собраниях мнение было совершенно предсказуемо: таким способом начинают уже понемногу поддавливать к отказу от крепостного порядка. Впрочем, соображения такого рода не особенно привлекали внимание Михала Дмовского. Он вспомнил о недавнем визите жандармов.

Те, за несколько дней до разразившегося сейчас выступления, искали смутьянов в округе. Расспрашивали и его, и старост, и чуть ли не каждого крестьянина, видел ли кто-либо людей подозрительных, прокламации распространяющих да по лесам бегающих. Тогда они уехали ни с чем, потому что как раз в их уезде в тот момент всё было спокойно, или же – что вернее – заговорщики откуда-то узнали заранее, что их будут ловить, и предусмотрительно убрались из опасного места. Потом всё полыхнуло, а сейчас быстро гасло.

Дмовский остановился, расписывая количество скота в самой удалённой из своих деревень. Он знал, что чиновникам нужно докладывать об этом подробно, иначе вместо субсидии вымотают всю душу, явившись с какими-то глупыми проверками. А мысли во время этой краткой паузы вновь унеслись в сторону. Помещик возблагодарил бога за то, что не связался с повстанцами специально. Да, среди шляхты все друг друга знали, регулярно писали и встречались, можно сказать, но именно поэтому никто, даже самый рьяный сыщик, не мог бы установить его приверженности этим людям и их направлению. Теперь, когда мятеж стремительно гас, а его искры вытаптывались, тактика выжидания казалась действительно правильным выбором. Поставив, наконец, точку в этом письме, Михал провёл рукой по лбу и взял следующий лист бумаги. Нужно было ещё отписать в соседнюю экономию, чтобы выяснить, сколько там пудов льна заготовили и по какой цене собираются его продавать...

А в это самое время, в той дальней деревне, о которой только что вспомнил Дмовский, на самой её окраине, где за лугом начинался уже лес, двое, Янек и Марек, косили траву. Зной лишь начинал усиливаться, но луг огромен, шагов триста в длину и пятьсот в ширину. (Сами-то они считать не умели столько, об этом как-то сказал становой пристав, который приехал ловить беглеца-каторжника, по слухам, как раз в эту сторону подавшегося).

- Староста говорит, что послезавтра снова барский день. А нам свой урожай никак не убрать.

- Что ж поделаешь? – глубокомысленно хмыкнул Янек, обводя взглядом уголья. С чего-то вдруг ему представилось, что из леса может выйти волчья стая. Он мотнул головой... какие теперь волки, всех почти повыбили за последнее время панские охоты. Приезжают по пять, шесть раз в год, носятся с гончими так, словно от демонов каких спасаются. И ружья теперь новые, ужасно смертоносные, так что и волку только почувствовать можно.

Вслух же он произнёс только одно:

- Коси давай! Сколько думу не думай, жить лучше не станешь. Гляди, зимой без молока останешься, если до июля сена не наберёшь.

Оба продолжили молча свою работу, мысленно только поблагодарив небеса, что не на землях соседнего помещика Радзиминского живут. Тот был давним любителем пустить пыль в глаза, устроить торжественный «выезд». Каждый год три раза ездил в Варшаву, чтобы посещать Английский клуб да танцевать на балах, где вертел попискивающих от восторга девиц. В имение же Радзиминский заглядывал изредка, да и там всё больше наслаждался винами французскими да прочими дарами иностранных земель. Обо всём этом по округе знали давно, никакого секрета в своих нравах шикающий пан не делал, да и как их сделаешь? Форейторы всякие, лакеи и прочие сопровождающие его в дороге и дома всё видят, всё передают. Самому же Радзиминскому было глубоко всё равно, потому что... да ему вообще почти всё оказывалось безразлично, кроме возможности жить на широкую ногу!

Поговаривали, что сей малопочтенный по своему образу жизни, не уважаемый даже своими более рачительными соседями, колебался, не связаться ли с недавно начавшимся выступлением. Даже писал осторожные письма, прощупывая обстановку. «Уж лучше бы с ружьём своим в лес ушёл», молча подумал Марек, делая особенно мощный взмах косой, а потом обходя торчащий из земли высокий серый валун. «Вот тогда бы нашим соседям полегче стало. Но нет... вывернется, небось. Чистеньким останется. Тридцать лет назад его предки погорели, но этот хитрый лис, на обе стороны поглядывает и капканы обходит».

Следователь МГБ Олег Игнатьев не знал об этих мыслях, а если бы и знал, то усмехнулся бы и продолжил размышлять о своём. Ему поручили разобраться с князем Адамом Квятковским, который, проиграв в карты за предыдущую пару лет какие-то совершенно безумные суммы денег, от отчаяния решил под шумок совершить налёт на волостную канцелярию, чтобы спалить бумаги о недоимках. Это ему удалось, но, прежде чем окончательно навести лыжи в лес, Квятковский самонадеянно попытался ещё напасть на контору государственного банка, чтобы и там уничтожить окончательно следы своей задолженности. Вот там-то его и взяли «на горячем».

Так как автомобилей на всех не хватало, то катить Игнатьеву пришлось в конфискованном у задержанного фаэтоне. Вернее, этот экипаж Игнатьев выбрал потому, что был наслышан: такие повозки выбирают, чтобы произвести впечатление. Однако теперь в своём решении следователь раскаивался, потому что понял: щёголи ошибаются, лучше было выбрать что-то чуточку более комфортное. Фаэтон трясло на ухабах, и при этом приказать кучеру ехать чуть медленнее никак невозможно: они и так задерживались, планировалось прибыть в имение на обыск к часу дня, а сейчас было уже 12:46. И расстояние впереди оставалось ещё не таким уж и маленьким!

Рессоры, конечно, гасили часть ударов. Однако – далеко не большую часть, и, как начинал подозревать следователь, куда как меньше половины. Ещё и солнце начало нещадно жарить, так что пришлось сделать знак остановиться (возница, невозмутимо правивший повозкой, словно ничего не происходило), и – расправить крышу, чтобы хотя бы пыль не так беспощадно летела. Олег уже ругал себя за попытку пофорсить перед местными жителями и продемонстрировать свой авторитет наглядно. К счастью, успел он почти вовремя – задержался всего лишь на две с половиной минуты. Прокатываясь по селению, по улице, ведущей к усадьбе, мельком увидел нескольких человек, мазнувших взглядами по фаэтону, и сразу после этого вновь равнодушно вернувшихся к своим делам. Игнатьев прикусил губу – как оказалось, его сочли просто очередным хлыщом заезжим, и вместо укрепления авторитета получался самый настоящий подрыв репутации. Что ж, теперь исправить что-то можно было только одним способом: показать себя с наилучшей стороны в ходе самого следствия.

Следователь, едва дождавшись полной остановки фаэтона, шагнул наружу. По поместью уже ходили несколько жандармов, вид которых говорил о том, что ничего интересного и важного нет, но и опасность тоже отсутствует – иначе не были бы они настолько беспечны внешне. Жандармы осматривали хозяйственные постройки в поисках чего-то, что могло пролить свет на коварные замыслы владельца, но, поскольку не говорили ни слова и продолжали смотреть, Игнатьев сразу сообразил: пока ещё ничего не отыскивали. «И вряд ли найдут – потому как прятать улики там, где живёшь, это вообще глупо», подумал он.

У крыльца стоял староста, потерянно переминавшийся с ноги на ногу. Коротко представившись жандармам и предъявив им своё удостоверение, следователь направился к нему, машинально отмечая, как тот становится собраннее и настороженнее. «Ещё бы, видит во мне знатного барина какого, праздного человека, и не понимает, что я тут вообще делаю, но боится», поставил мысленно галочку Олег.

- Имя, фамилия, год рождения.
- Мацей Коваль, пятнадцатый год.
- Давно вы в старостах?
- С пятьдесят первого, - хмуро ответил собеседник, старательно пряча взгляд.

Игнатьев сделал пометку в блокноте. Затем спросил:

- Много ли долгов у гражданина Квятковского было?
- Очень много. Вся округа знает, никто столько не задолжал, как он. Одних податей на семьдесят тысяч не выплачено.
- Часто ли к нему ездили?

- Да постоянно... И из разных мест бывали.

- Например?

- Из Кракова. Двое, месяц назад. Один был в котелке, с чемоданом. Шляпу всё на глаза надвигал, словно боялся, что узнает кто. Говорил же, что как будто лекарь ему сказал глаза от света беречь, потому и прикрывается.

«Наивное объяснение, даже вон крестьянам понятно, что белыми нитками шито», подчеркнул для себя сыщик. И немедленно продолжил разрабатывать появившуюся ниточку.

- О чём говорили?

- Про цены на зерно, про дороги. Ещё – про то, сколько войск где стоит, какие офицеры толковые, а какие плохи и распускают солдат.

«Значит, готовились к нападениям со всей серьёзностью. Знали, куда проехать и на кого налететь в первую очередь».

- О чём-то ещё беседовали?

- Говорили, вроде бы, что рекрутов стали много забирать да податями откладывать. И что, - голос старосты стал тише и зашелестел бесцветно, - что в старину лучше жизнь была, когда король и сейм правили.

Игнатъев сделал новую пометку. Аккуратно, карандашом, по привычке, оставшейся ещё с той поры, когда он мечтал стать геологом и приучал себя, как принято в экспедициях, использовать именно карандаш. Грифельная запись, в отличие от чернил, не расплывётся, если даже уронишь в воду, достаточно подсушить, и все заметки сразу придут в порядок. «И с чего это вдруг мне вспомнилось», удивился про себя офицер. Но тут же сообразил: в воздухе ощущимо чувствуется уже приближение скорой грозы. Истомлённая летним зноем природа словно замерла в ожидании, как частенько бывает, прежде чем первые упругие большие капли забарабанят по крышам и по листьям деревьев.

- Письма приносили?

- Да. Пару раз прикатывала пролётка, какая-то панёнка гордая выходила, о чём-то говорила с паном Квятковским.

- О чём говорила? – насторожился следователь.

- Не знаю, господин начальник! – при этом обращении Игнатъева немного передёрнуло, но усилием воли он сдержался. – Они стояли во дворе, вон там, потом в саду что-то обсуждали. Нам строго запретили даже подходить, сказали, кто приблизится, того ждёт суровая порка.

- Многие ли в деревне говорят, что в старые времена лучше было? - переменял тему Олег.

Коваль цокнул языком, потупился, щёки у него напряглись. «Видно, соображает, что сказать, чтобы односельчан на плаху не подвести», смекнул сыщик. Наконец, Мацей решился и произнёс слегка надтреснутым голосом:

- Да никто не говорит, господин начальник. Работаем усердно, стараемся волю пана выполнить вовремя. Остальное – дело господское, хитрое, не по нашему уму.

«Врёт или нет? Так и не скажешь. Видал я таких виртуозов, которые солгут с любой миной. Но колоть пока рано, одних догадок и подозрений мало. Соберу другие показания и проведу, быть может, если будут расхождения, пару очных ставок. Вот тогда и станет понятно, кто действительно причастен к подобным пакостям».

Спустя четыре часа Игнатъев сделал в блокноте последнюю запись: «Являвшаяся в имение личность установлена, хотя и с оговорками. Некая Катажина Гонщецкая, из семьи школьного преподавателя латинского языка. Откуда конкретно приезжала и куда затем уехала – пока неизвестно. Судя по всему, это и есть основная связная с бандформированиями».

Непогода тем временем разгулялась не на шутку. Потoki дождя лились с небес как бешеные, сверкали яркие молнии, сопровождавшиеся оглушительным, словно залпы гаубиц, громом. Вдобавок поднялся ещё и довольно сильный ветер. Игнатъев понял, что ехать по раскисшей глине в таких условиях – испытание крайне сомнительное, да и наступает уже ночная мгла,

потому, по праву старшего, принял решение остаться на ночлег в имении. Осмотр решили продолжить завтра утром, а сейчас – пораньше лечь, чтобы как можно скорее управиться на следующий день. На воротах выставили бдительный караул, фаэтон крестьяне откатали на руках в каретный сарай. Олег участвовал в этом перекате, поневоле вызвав на себя удивлённые, озадаченные взгляды поселян. Но сразу же понял, это не банальный интерес, это именно недоумение – что за прихоть у большого начальника, и чем это им, местным жителям, может грозить.

Наутро погода стояла просто великолепная, тихая, не в пример вчерашнему вечеру. Консервов, которые взяли с собой, уже оставалось шиш да полшиша, потому Игнатьеву, к его явному неудовольствию, пришлось всё же поручить приготовление завтрака обитателям усадьбы. После порции холодного мяса и чаши сбитня сыщик отправился осматривать то, что не увидел ещё вчера. В этот раз, поскольку взятый с собой блокнот был уже заполнен записями до упора, пришлось реквизировать бумагу из хозяйского кабинета. «Всё равно этот Квятковский где-то уже сложил голову... или, если ему повезло, находится за границей», подумал про себя Олег.

Эконом Петрек, между тем, был немного обескуражен действиями своих гостей. Он-то был наслышан прежде хорошо, как проводится подобное жандармское следствие. Но теперь «самый главный полицейский» не стал отделяться от всех и требовать для себя каких-то особенных блюд, не потребовал и кофе готовить. Наоборот, непривычно скоренько, совсем не по-пански поев, принялся за своё дело.

К усадьбе меж тем подкатили дрожки, из которых вышел письмоводитель уездной канцелярии. Он привёз пару шкатулок с ведомостями, которые Квятковский ранее сдавал для налоговой отчётности. Сверка имущества заняла добрых часа два, и только после этого, убедившись, что помещик ничего не наврал и не напутал сколько-либо существенного, следственная группа приступила к разборке собственной корреспонденции подозреваемого. Впрочем, письма не добавили сколько-то существенных деталей и не позволили приблизиться ни к таинственной Катажине, ни к загадке местонахождения бывшего хозяина поместья.

Около полудня Игнатьев велел собираться в путь:

- Поедем допрашивать крестьян без отрыва от производства.

- Это как? – слегка приоткрыл рот румяный жандармский лейтенант. Своё звание он получил буквально в марте этого года, когда ведомство отреформировали, вдохновляясь явно «более успешным примером». Правда, униформа, в соответствии с духом эпохи, была сделана максимально выразительной и броской. Следовательно ещё при встрече отметил, что она воспроизводит фактически покрой и фасон парадной формы капитана ВДВ, только в ещё более вычурном варианте – с эполетами вместо погон, с сияющей на солнце медной каской, украшенной плюмажем. При этом на каждой пуговице мундира, как и прежде, был выгравирован герб империи.

- Это значит, что будем прямо в поле отзывать их по одному и затем отпускать работать опять, - терпеливо проговорил Игнатьев.

- Так точно! – вытянулся пружинисто лейтенант, выразительно «пожиривший глазами начальство».

... Беседа, впрочем, ничего особенного не дала. Будь глава следственной группы художником, он мог бы сделать немало выразительных набросков для портретов и пейзажа, но по своему основному делу ничуть не продвинулся. Как и следовало предполагать, в отдалённых деревнях о делах, которые творились в усадьбе, ходили только неопределённые размытые слухи. Эти толки даже невозможно было бы положить в основу доклада о настроениях в Варшавском уезде, настолько они размыто звучали.

Игнатьев спросил ещё раз у подчинённых:

- Как, нашли всё-таки что-нибудь стоящее?

- Никак нет!

- Ладно, иного, впрочем, я и не ожидал, - пробормотал он сквозь зубы. – Раз этот Адам Квятковский удрал, то, разумеется, не стал оставлять сколько-то важных записей, да и всё содержимое из тайников выгреб, конечно, тоже.

- Ваша правда, начальник. Нашли пару сундуков с двойным дном, но оно пустое, то, что там лежало, теперь далеко отсюда...

Уезжая в районе пяти часов вечера из поместья, сыщик вынужден был заключить: ничего значимого не отыскано всё же. Значит, основная работа достанется другим группам, и, может быть, кому-то всё же удастся выйти на след треклятой Катажины и её подельников.

Глава 8. Тихоокеанская рапсодия

Александр II вышагивал по своему кабинету, сосредоточенно размышляя о сложившейся обстановке. То, что давать уступок польским радикальным оппозиционерам, ему было совершенно ясно. Тем более что появились вполне достоверные сведения – эти субъекты налаживают контакт с откупщиками и приверженцами старых крепостных порядков, с теми, кто не хочет по-прежнему ничего менять даже в мелочах, а собирается действовать и дальше так, словно ничего не произошло и не происходит. Слияние двух потоков недовольства в один – явно не то, чего хотелось бы императору увидеть...

«Но что же мне с этим делать? Чиновник слаб и лукав, положиться всерьёз можно лишь на очень немногих даже среди губернаторов и градоначальников. Доверять же более низкому звену и вовсе не получается. Да, плата слишком мала, и потому как внутренним, так и внешним интересантам очень легко воспользоваться этим. Но – поднимать оплату не на что пока, а если попробовать наступать на тех же откупщиков решительно, то покушаться будут. Обязательно будут. Когда такие деньги на кону, обо всём забудут и примутся за самые решительные меры. Охрана это хорошо, конечно, но это уже только оборона. А вот как разрушить враждебные помыслы, чтобы проще было тем же охранникам? Ответа нет.

Но ведь... и другими делами заниматься придётся. Не одной только защитой от врагов. Пора уже браться за начинание более решительное. В тот раз мне довелось, во второй половине правления, привести под имперский скипетр Среднюю Азию. Да, все земли от Каспийского озера на восток до линии Памир-Алтай. Сейчас нужно сделать всё это гораздо раньше. Чем скорее исчезнет угроза любых набегов и недружественных действий вообще, чем раньше мы начнём пользоваться сырьём, лежащим в этих землях втуне и никак не приносящим никакого толка даже их обитателям, тем лучше. Кроме того, очень важно отодвинуть как можно дальше на юг и на восток границу, чтобы даже в случае новой большой войны иметь надёжную защиту от английских войск.

Да что там значит – в случае? Она совершенно неизбежна, и даже не оттого, что англичане как-то особенно злобны или негативно настроены. Просто – нам и им слишком тесно на одной планете, и их аппетиты необыкновенно увеличились в последние лет тридцать, и дальше, как мне теперь прекрасно известно, будут только расти. Значит, Лондон вообще не может не экспансировать в нашу сторону, не может не пытаться расширить своё влияние до максимума. И значит, если в этот регион мира не зайдём мы, туда зайдут – они. Причём произойдёт это уже очень скоро.

Но и для России просто так оставлять без внимания эти земли категорически нельзя. Даже оставим в стороне их природные богатства, выращиваемые плоды, ценнейший для обороны хлопок и вообще всё остальное. Очевидно, что Британия и Европа в целом не начнут войны, не создав своих прочных воздушных сил. Им это будет сделать крайне затруднительно, вообще-то, но воздушная мощь слишком важна, чтобы даже пробовать воевать в её отсутствие. А это значит, что каждая дополнительная минута, которую придётся неприятельским машинам провести в пути, прежде чем оказаться над Оренбургом, средним течением Иртыша, Томском или Новониколаевском, это спасённые жизни, сэкономленные усилия воинов-зенитчиков... Посему вопрос – двигать границу на юг или не двигать – вообще не стоит. Её придётся перемещать, и уже в ближайшие год-два. Тем более что сейчас сделать это будет гораздо проще. Поддержка с воздуха, радиосвязь, улучшенная артиллерия, отменная врачебная помощь делают походы делом простым и удобным. Да, надо бы и самобеглым транспортом воспользоваться, надеюсь, не откажут в его предоставлении. Более того, очень грамотно было бы теперь не растягивать всё дело на 15 лет, а завершить его за 2–4 месяца. Каждый выигранный день – это плюс для нас и серьёзный удар по врагу».

Беседовать с послом император отправился в Малый зал – там достаточно места, чтобы не жаться, но в то же время не будет лишних свидетелей поблизости. Когда диалог завершился, дипломаты, высказав подходящие протоколу слова прощания, покинули дворец и покатали на двух своих лимузинах в посольство. В Сталинграде же напряжённая кабинетная работа только началась. В тот день, 11 июня 1857 года, около 20 часов, решались вопросы мирового поистине масштаба. И требовалось теперь самим подготовиться, чтобы не осрамиться ненароком.

- Итак, в Петербурге приняли наше предложение.

- Да. Там согласились, что Средняя Азия никуда не уйдёт, даже если начать на год-полтора позже. Хотя проработку общую всё равно будем вести, просто на всякий случай. Вдруг англичане резко активизируются и попробуют форсированно пролезть на север.

- Ну, у англичан свои хлопоты имеются, и они будут только расти в ближайшее время.

- Вы опять со своим проектом поддержки сипайского выступления?

- Нет, я подумал как следует, и его отверг. Мы для сипаев вообще никто – это раз. Они – полные неудачники, это два. То есть разозлить британцев попыткой оказания поддержки можно, а вот добиться хоть какого-то эффекта – нет. И наконец, зря будет использоваться ресурс самолётов, время подготовленных лётчиков. Да и дорогостоящее горючее.

- Кстати, о горючем, вернее, об энергии. Имперцы приняли наше предложение о строительстве, вслед за уже создаваемой Рыбинской, также и Волховской гидроэлектростанции?

- Да. Более того, выразили пожелание, чтобы наше специалисты занялись также проектированием Иркутской станции. Причём с той стороны подчеркнули, что электроснабжение критически важно для производства алюминия, а следовательно, для авиационной отрасли.

- Похоже, понемногу привыкают и начинают мыслить более систематично. При этом нашей стране тоже надо шевелиться и доводить до ума ту же самую Цимлянскую ГЭС, причём как можно скорее. Чем меньше времени мы будем ждать электричества, тем проще будет и нашей промышленности, а то сейчас она практически на голодном пайке.

- Согласен. Но что у нас – с самым главным моментом прошедших переговоров? Сами-то мы готовимся к намечаемому шагу?

- Да, к операции по установлению контроля над Итурупом и Кунаширом мы готовимся уже основательно. С таким расчётом, чтобы даже если имперское согласие не было бы получено, мы смогли бы выполнить всё необходимое собственными силами.

- Ну, всё-таки без одобрения и активного участия Петербурга самый смысл предстоящей акции практически утрачивается.

- Да, вы правы... и всё-таки попробовать стоило бы и в этом случае. Потому как выкинуть клан Мацумаэ с самовольно занятой ими на свой страх и риск земли – дело весьма перспективное. Воевать на стороне этих неудачников официальная Япония едва ли станет.

- Так всё-таки, какая подготовка сейчас проводится?

- Мы уже разведали и наметили основные маршруты для переброски авиации на дальневосточный ТВД. Проработали размещение пунктов материально-технического обеспечения флота (сразу несколько вариантов). Провели учения по скрытному передвижению групп специального назначения (опыт очень пригодится в реальных боях).

- Высадку с моря отрабатывали?

- Мы постоянно отрабатываем этот и другие элементы действий при морских десантах. Поэтому никакая разведка врага, даже узнав о такой подготовке, не сможет привязать её к планирующейся операции.

- Это понятно. Рассчитали требуемый объём сил и средств, которые позволят добиться успеха?

- Да. Причём расчёт непрерывно корректируем с учётом складывающейся обстановки, изменения возможностей наших войск и оценки сведений о враге. Но подчеркну, что всё это – только лишь резервный план.

- Почему не основной?

- Потому что нет никакого смысла вечно «тянуть локомотивом» императорские силы. Пусть сами привыкают действовать, хотя и с нашей поддержкой, но в режиме самостоятельном скорее. Далее этот навык им пригодится ещё не раз.

- Кто будет командовать имперским экспедиционным отрядом?

- Общее руководство, думается, лучше всего поручить генералу Черняеву. Этот весьма перспективный военачальник сейчас как раз мается от бездействия, а так получит первую свою минуту славы. Заодно поучится опыту управления войсками на высоком уровне.

Из воспоминаний генерала Михаила Черняева.

В июне 1857 года я был начальником штаба третьей пехотной дивизии, действовавшей на западе Витебской губернии. Дивизия тогда усмирляла мятеж католических националистов, которые поддерживались открыто почти из-за рубежа. Как и многие другие офицеры, я негодовал из-за нашего образа действий. Вместо лихих атак и стремительных рейдов на врага нам приходилось прочёсывать местность и оттеснять противника. Причём нас всё время одёргивали и требовали: никаких героических боёв, сначала авиация отработает, артиллерия отработает, а потом уже идти в атаку. Это казалось нам невыносимо скучным и педантским делом.

Каждый более-менее толковый военный меня поймёт. Ведь в юные, и даже совсем не в юные годы, хочется отличиться, хочется проявить доблесть и показать себя – перед другими бойцами, перед начальниками и даже, что греха скрывать, перед врагами. Вместо этого же было скучное – отправляйтесь туда-то, отжимайте банды в соседний район, сообщите по радио ближайшему авиаполку, после подтверждения из штаба о результатах удара отжимайте противника далее. Скука одна, не война, а какая-то поклепка обоев, право слово.

Пленных я видел довольно много, правда. Мне, как начальнику штаба, поневоле приходилось заниматься их размещением и переправкой дальше в тыл. Но всё это выглядело так канцелярски убого, что буквально скулы сводило. Я подумывал уже подать рапорт о переводе в контрразведку, туда, где люди реально сталкиваются с противником и по-настоящему стреляют, не дожидаясь, пока прилетят бомбардировщики для поддержки. Или, на худой конец, уж в аэродромную службу перевестись, всё ближе к живой, упругой и хлёсткой военной стихии. Но вышло иначе...

13 июня мне поступил приказ – с уходящим санитарным самолётом отбыть в Ставрополь. С чем было связано это решение, в приказе не говорилось, но оспорить его было невозможно. До этого момента я не летал по воздуху, так что это было крайне волнительное путешествие. И хотелось говорить себе: вот оно, то самое приключение, прерывающее унылость штабных будней. По прилёту в город я, всё ещё будучи воодушевлён, заселившись в офицерскую гостиницу, пошёл осматривать ставропольские улицы. Там прежде уже бывали несколько человек, на рассказы которых предстояло опереться, и заодно – проверить всё через личное впечатление.

И поначалу, в самом деле, Ставрополь выглядел откровенно безобразно для меня. Только в самой серёдке было что-то хорошо знакомое, да и то... Дикой казалась мысль, что старым зачастую считают дом, которое построили после твоей кончины. Однако спустя несколько минут я всё же взял себя в руки: не пристало ведь офицеру размягчаться из-за неприятных известий. Каковых, впрочем, оказалось даже больше, чем виделось до приезда.

Горестно было смотреть на храмовые стены, за которыми не ходят давно уже с кадилом и песнопениями. Не менее горько взирая и на постройки, зиявшие чёрными окнами, проломами и дырами – следами страшных боёв, прокатившихся через город. При этом какую-то надежду давали места, где возводили что-то новое или чинили разрушенное. Значит, жизнь продолжается, несмотря ни на что, преодолевает все преграды. Почему-то вспомнился вдруг даже и Карфаген, который сначала уничтожили под корень, а потом восстановили, да так, что он стал ещё больше и внушительнее прежнего.

Долго гулять возможности, однако, не было, настала пора идти уже в штаб. Там меня – и ещё десятка два других офицеров и генералов – встретил в коридоре седой полковник. Форму основного внезапного союзника и его награды я изучал, конечно, со всем прилежанием, так что сразу понял, что передо мной – бывший командир танкового полка, отличившийся в боях под Минском и в Будапеште. Представился этот полковник Михаилом Зотовым. Естественно, при встрече со столь заслуженным человеком мы стали горячо расспрашивать его о подвигах, о трудностях боевого пути... Однако Зотов сразу же решительно оборвал нас, вернув с неба на грешную землю.

- О моей доблести как-нибудь в другой раз. Сейчас же поговорим о том, для чего вас всех сюда вызвали. В скором времени вам предстоит повести свои войска в бой. И моя задача – подготовить каждого так, чтобы в этом бою был минимум потерь и максимум результата.

Заинтригованные и воодушевлённые таким поворотом разговора, мы пошли за полковником в большой зал, где на стене уже висела карта. К нашему изумлению, она изображала подробно крайние восточные районы России и прилегающие к ним государства и моря. Зотов обвёл указкой один из участков карты, находящийся к северу от Японии.

- Это острова Курильской гряды, Итуруп и Кунашир. Сейчас вся власть над ними принадлежит вассалам клана Мацумаэ, которые держат там мелкие фактории и неукреплённые сезонные поселения. В них имеются, быть может, единичные вооружённые люди, олицетворяющие власть кланов, но не более. снабжение этих островов крайне затруднено, так как у японцев, можно сказать, отсутствует как военный, так и торговый флот. Те боевые и транспортные корабли, которые у них всё же есть, куда хуже, чем имеющиеся в России.

- Но если всё так плохо с войском на Итурупе и Кунашире, то почему же надо собирать крупные силы, да и готовить их? – слегка удивился я.

Полковник подошёл и пожал мне руку. Затем обернулся к остальным и сказал:

- Берите пример с этого человека. Он задал очень хороший, достойный вопрос, потому что видит не просто приказ, но и случай, в котором следует разобраться.

Затем Зотов продолжил:

- Как вы знаете, наши армии принадлежат к совсем разным эпохам. И нам обоим угрожают со временем ещё и англичане. И прочие европейцы. Чтобы давать им решительный и умелый отпор, вы все должны обучиться мыслить и действовать на упреждение. Ответьте-ка, что самое главное в войне?

С мест раздались возгласы:

- Добиться капитуляции врага.
- Разделить его силы и бить по частям.
- Одержать как можно более решительные победы с наименьшим ущербом для войска.
- Овладеть главными торговыми путями и основными пунктами, которые решат исход дела.

Полковник же проговорил в ответ:

- Вы все правы и все – ошибаетесь. Самое главное в войне – залог успеха – это обеспечить себе свободу действий в оперативной и стратегической глубине построения противника. И, что с этим неразрывно связано, помешать ему восполнять потери войска, заблокировать или до предела затруднить манёвр силами между различными участками. Вот тогда и только тогда можно будет добиваться решительных результатов, неся минимум потерь. Но любые действия можно выполнять лишь в том случае, если вы выявите основные командные пункты, вскрыете сеть коммуникаций противника и её основные узлы. Этому искусству мы и будем учиться в ближайшее время. За 2–3 месяца, конечно, настоящих знатоков военного дела образца середины XX века из вас не сделать. Но заложить хорошую базу можно будет вполне.

- А отчего же именно 2–3 месяца? – осмелился спросить я.

- Оттого, что действовать предстоит этой осенью уже. Или в самом начале зимы.

- Но ведь это совсем неподходящее для судоходства время!

- Для наших кораблей и осенние штормы, и даже льды далеко не так опасны, как для парусников. А противнику как раз придётся особенно тяжело в это время – и надо воспользоваться такой ситуацией в полной мере. Пора учиться.

И мы начали учиться. Учились, прежде всего, как быстро и скрытно выводить войска на рубежи сосредоточения, а потом – с этих рубежей наносить потрясающей силы удары по направлениям, где враг менее всего ожидает атаки. Учились правильно взаимодействовать с авиацией. Учились применять все возможности современной артиллерии.

Глава 9. Военные перспективы

Так прошёл месяц, затем ещё один и ещё. В середине сентября 1857 года мне, во время перелёта на Дальний Восток, пришла в голову неожиданная мысль, которой я, однако, ни с кем не стал делиться. Во время обучения нам постарались сообщить побольше ценных сведений о самой Японии, об её возможностях и государственной структуре. Получалось так, что на более южном острове Хоккайдо (который сами японцы именовали Эдзо) тоже присутствуют самовольно заселившие его колонисты из какого-то мелкого клана. На Хоккайдо они держат около полутора десятков тысяч человек, причём коренного населения – айнов – выходит как бы не больше, но они рассеяны повсюду, а японцы собраны в большой крепости и вдобавок очень хорошо вооружены.

И, пользуясь этим, японцы откровенно издеваются над большинством местных жителей. А сам Хоккайдо – или Эдзо, как угодно, суть одна – представляется очень лакомой целью. Там одни хотя бы незамерзающие порты чего стоят... Когда я читал на досуге исторические труды о борьбе за Порт-Артур и Маньчжурия, то у меня сжимались кулаки от досады. Столько сил, столько крови пролито, и всё совершенно напрасно. Но теперь... теперь есть шанс всё упредить. Сделать раньше и по уму. И, между прочим, подумалось мне, даже и для тех же японцев это будет в итоге плюс. Им не придётся класть множество людей в тяжёлых окопных боях; потери будут, да, но намного меньшие. И если после этого они поступят грамотно и решат не ввязываться в сомнительные дела, то сохранятся как приличное государство. А если же нет... что ж, спасти всех и каждого против воли – не наша забота.

Потом же эти мысли вовсе улетучились, когда мы перелетели Обь. Потому что внизу простирались бескрайние просторы, мелькали леса и степи. Летели мы на дирижабле, потому как никакой особой спешки не было, прибудем ли мы к месту назначения на пять-шесть часов раньше или позже, никто и слова дурного не скажет. «Операция», как теперь мы привыкли говорить, всё равно начнётся вовремя. Главное, чтобы застать самих японцев врасплох, когда у них будет минимум сил на Итурупе и Кунашире. Так что пока – можно просто любоваться видами и не думать ни о чём ином.

Когда дирижабль начал снижаться во Владивостоке, и уже отчётливо была видна мачта, к которой он собирался пришвартоваться, тут-то меня и настигло озарение. О Хоккайдо-то нам ни слова не говорили! Значит, в планы командования он не входит. Я закусил губу, пытаюсь разобраться, стоит ли говорить об этом своём замысле или не стоит. В итоге, спустившись вниз и пройдя к ожидавшему нас фиакру, я осознал, что говорить об этом нежелательно. Ведь просто так лезть вперёд неограниченно – нельзя. Если высшим командирам не пришла в голову такая мысль, или они не сочли нужным ею делиться, то лучше всего не выпячивать свою оригинальность, а просто выполнять распоряжения. И готовиться к выполнению основного приказа, того самого, ради которого нас всех тут и собирают.

А готовиться пришлось основательно. Само собой, стрелять из пистолета Токарева и из трёхлинейной винтовки мы все научились ещё раньше, по своей инициативе. Всё-таки, плох тот военный, который не стремится освоить новое, более мощное и удобное оружие, чтобы воевать эффективнее в случае надобности. Но во Владивостоке нас уже принялись натаскивать инструкторы, и это было, скажу я вам, дело гораздо более серьёзное, чем самостоятельная учёба.

Однако, когда я спросил, скоро ли пойдём на стрельбище, такой прыти просто никто не понял. Только теперь обнаружил, что пистолет, оказывается, можно разбирать и собирать опять, и для этого не нужен станок или какие-то очень уж сложные инструменты. Потом... нет, вновь не стреляли. Сначала всё повторяли и повторяли каждый шаг и движение рукой, чтобы как заведённые маятники делали уже, вообще не раздумывая; вот окати водой из ведра

на улице, потом сунь в руки пистолет или винтовку, и каждый моментально повторит всё без ошибок. Именно в это время я впервые и узнал об «отметке выстрела», а также проштудировал от корки до корки наставление по стрелковому делу.

Мы уже полагали себя мастерами стрельбы, как вдруг инструктора опять огорошили нас. Теперь требовали палить, стоя на одном колене, или выглядывая из-за стены, или совершая кувырок. Причём потом, когда дело всё же дошло до тира, буквально каждую ошибку отрабатывали отдельно, разбирая, из-за чего конкретно она возникает. А рядом учились стрелять несколько солдат, причём их гоняли ещё более свирепо и въедливо, нежели нас, офицеров. Поначалу это казалось странным и даже обидным, мол, почему такие непонятные предпочтения. Между собой мы тихо обсуждали это, и пришли к мысли, что всё дело – в особенном укладе тех, кто весь этот «лагерь подготовки» и организовал. Однако же, когда поручик Непокойчицкий набрался смелости и спросил о том у инструктора своего прямо, то тот сразу и объяснил:

- Усиленную подготовку проходят снайперы. Те, кому нужно будет делать выстрелы максимально метко и далеко. Вам же необходимости в таком нет, достаточно, если окажетесь готовы защитить себя в ближнем бою один на один, или же заменить среднего стрелка в окопах. В остальном – вместо вас должны будут стрелять обычные солдаты, а ваша задача – не самостоятельно бегать и выцеливать врагов, а направлять подчинённых так, чтобы эти враги вам на пути вовсе не попадались!

На курсах «Выстрел» (так это называлось, да кое-кто из читающих сии мемуары и сам их прошёл, конечно, уже позже), мы не только учились метко поражать цель, но и разговаривали с теми, кто нас этому тренировал. Свободные минуты выдавались не так уж часто, само собой, но всё же интерес у нас был крайне жгучим, и касался практически всех сфер жизни. Мне врезалось в память навсегда, как тот же самый Непокойчицкий пытался всё понять, почему вдруг чинные, размеренные танцы оказались никому почти не нужны, а вместо этого явилось нечто, вообще невообразимое, и даже практически неприличное, именуемое «танго».

Я же больше всего на свете интересовался своим прямым делом – пехотным. Старательно изучал уставы и наставления, труды военных теоретиков и исторические работы о военных кампаниях. Без ложной скромности укажу, что именно моему перу принадлежит первый труд академии генерального штаба, посвящённый торпедной войне, воздушным боевым действиям и их влиянию на безопасность нашего отечества.

Некоторые наиболее пылкие из нас настаивали, что нужно поскорее вооружить Аннам, Сиам, Камбоджу, даже попробовать перехватить инициативу у голландцев, договариваясь с отдельными султанатами в Малайе и Индонезии, буквально выхватывать их из-под носа, вырывать из паутины неравноправных договоров. А один такой энтузиаст вообще договорился до того, что следует обязательно – и максимально срочно – помогать индийским сипаям! Тут уже сам начальник курсов вмешался и произнёс краткую отповедь:

- Сипаи – тотальные неудачники и ничего не смогут. Разве что если мы примемся воевать вместо них, но в этом случае что прикажете, ещё и всю Индию на своём горбу волоочь? Разве мало у нас забот и без подобного отягощения? Султанаты всякие тоже уже не спасти. Вот если бы на лет тридцать-сорок раньше, был бы шанс, но тогда и обстановка была иной: на тот момент англичане сами были бы нам нужны как оружие в борьбе с Наполеоном.

- И вы думаете, сударь, - усмехнулся один из курсантов, - что британцы 1810 года пошли бы у наших стран на поводу?

- Да куда бы они делись при таких раскладах? Конечно, им бы не оставалось ничего иного. Но вернусь к делу, - повысил голос начальник, - что касается Вьетнама, Сиам и Камбоджи, этим уже отчасти занимаются. Пытаемся налаживать экономические связи и разорвать удавку, которую на эти страны накидывает Лондон. А если же он попытается вмешаться, достаточно

одного упоминания о возможности уже наших действий, как любой отряд новоявленных конкистадоров – морских или сухопутных, неважно – сразу кинется улепётывать.

- И вы что же, собираетесь вмешаться всерьёз? – не утерпел уже и я.

- Крайне маловероятно, что такое вообще понадобится. Но обычно угроза применения силы, от того, кто ею обладает и уже смог продемонстрировать на деле, срабатывает чуть ли не лучше, чем прямое усилие.

Из книги полковника Клембовского «Взрыв стихии», 1886 год, Санкт-Петербург.

В тот день, 1 октября 1857 года, я был ещё почти что новоиспечённым капитаном, лишь две недели прошло с момента присвоения звания. Наша дивизия была второй в России, которая перевооружилась на новые винтовки Бердана, и очень этим гордилась. Как и тем, что на стрельбах стабильно показывала результат лучше, чем первая из перевооружившихся. Внезапно командир объявил об общем собрании офицеров. И начал наш генерал Покатов с неожиданного известия:

- Государь император изволил объявить, что права аренды, которые имела компания Гудзонова Залива на Аляске, полностью упраздняются с 10 октября нынешнего года. Сия компания своевольно передала вручённые ей земли в аренду ещё другой компании, причём взяла уже с неё плату существенно большую, чем уплатила в русскую казну. Более того, несколько фортков, которые господа гудзонцы основать изволили, находятся на принадлежащих русским подданным землях, и попытки переговорить с ними по-хорошему успеха пока не дают. Они не верят, что наше правительство сможет на них воздействовать, что оно обладает необходимой для этого военной силой.

По рядам прокатился глухой гул возмущённых голосов. А Покатов сразу же продолжил:

Также компания Гудзонова Залива всячески способствует хищническому лову рыбы, морского котика, забою китов в наших национальных водах. Её агенты продают оружие той части туземцев, кои склонны нападать на русские поселения. Да и вообще не брезгают они и прямой контрабандой, то есть даже с оправданных и вполне законных по роду своему товаров не уплачивают пошлин, не показывают их положенным таможенным способом. Но и это ещё не всё...

Статья в Харперс Уикли, 28 октября 1857 года.

Как все уже знают из ежедневных изданий, несколько дней назад два тиранических правительства коварно и вероломно отторгли у нашей страны её неотъемлемую часть – Калифорнию. Эти поистине дьявольские замыслы оба рода варваров – петербургский и сталинградский – пытаются лживо оправдать некими таинственными обязательствами, которые якобы ещё и не были исполнены. Хотя у врага имеется потрясающее, умопомрачительное превосходство в вооружении, но на нашей стороне – святые истины и свет настоящей цивилизации. В первой четверти 20 столетия она свернула совсем не туда, как мы теперь прочно знаем, и в результате явился ужаснейший монстр, по сравнению с которым бледнеют самые страшные зверства и варварства, о которых мы когда-либо прежде знали. Невероятной ошибкой является то, что сразу же при появлении этого чудовища нормальный культурный мир не объявил ему тотальной бойкот. Может быть, это и не помогло бы избежать произвольного аншлюса, но по крайней мере позволило бы немного больше причинить вреда атакующим моральным уродам.

Переброска войск на дирижаблях, да и вообще по воздуху, вот то ключевое средство, которое использует наш враг, чтобы покорять другие земли и превращать их в ничтожных рабов. Против такого метода уже подал голос каждый почти город нашей страны. К прискорбию, даже в этой ситуации находятся те, кто ставит по-прежнему вопрос о борьбе за рабство или против него превыше борьбы с невероятной опасностью. Поистине грусть вызывает тот факт, что нация наша, вместо монолитной воли, почти обязательно скатится в кровавое болото гражданского раздора. И сотни тысяч американцев, вместо приготовлений к отражению вражеских атак, уничтожат друг друга.

Но даже сей прискорбный факт не отменяет того, что нам нужно решать проблему кардинально. Отныне и впредь не может быть никакой торговли с ТАКИМ врагом. Заклинаем каждого аболициониста, закликаем каждого плантатора и белого джентльмена на Юге – вы можете действовать как угодно, отстаивать полную Реконструкцию или надевать на себя белый балахон, но не пользуйтесь, пожалуйста, поддержкой абсолютного зла, не помогайте ему и сами, отправляя на экспорт произведения нашей земли. Не торгуйте также и с нечестивыми испанцами, которые пренебрегают долгом цивилизованной страны и открыто заявляют, что продолжат общаться с этими потомками Каина. Воистину, дух Торквемады, причинивший столько зла и горя людям, не просто так явился именно на Пиренейском полуострове. Именно там есть глубоко порочное основание, vyplывающее вновь и заставляющее заключать поистине сатанинские сделки. Да, именно сатанинские! Хозяин ада смеётся всякий раз, когда позорный флаг виден в гавани Кадиса или Манилы!

Призываем также нацию сплотиться ради помощи несчастным изгнанникам. Несколько сот человек были удалены произвольно и с попранием всякого права культурных народов. У них отобрали землю, и даже паспорт Северо-Американских Соединённых Штатов оказался неспособен защитить от подобного возмутительного грабежа. Разбойники пользуются тем, что в их руках – намного лучшее оружие, чем у нас, или у любой европейской страны. На захваченные земли адская банда переселяет казаков, этих закоренелых головорезов, которые каждый день упражняются в мучительстве и душегубстве, а в качестве награды получают щедрые порции восковых свечей на обед...

Мучители измываются над несчастными жителями Варшавы, лишёнными даже тени человеческих прав и свобод. По последним неопровержимым сведениям, город уже после удаления из него последних патриотов, регулярно подвергается атакам с неба. Так карается любовь к свободе и независимости. В городе стоит неумолчный стон, потому как у жителей отбирают имущество, а все уцелевшие жилища, которые останутся после 1 декабря сего года, назначено отдать под казармы казаков. Варшавянам же предписано будет поголовно удалиться в окрестные леса и копать там себе ямы для жилья. Мало того, по сведениям наших корреспондентов, только за сентябрь в истерзанной Польше 14 деревень полностью истреблены с помощью удушьющих снарядов.

Увы, находятся до сих пор мрази, которые всё это пытаются опровергать, и мы не просим, а требуем от конгресса и президента, от губернаторов штатов и от верховного суда – учредить комиссию, которая проследила бы за подобными подкупленными писаками. От себя же предупреждаем таковых – их пачкотня не возымеет никакого эффекта. Железный закон природы состоит в том, что тирания проигрывает всегда, несмотря ни на какие временные преимущества. И пусть они потом не сожалеют о своих несчастьях, о том океане презрения, который обрушит на них прозревший мир. Пусть не ссылаются и на гражданские права. Никакой свободы врагам свободы!

Прочитав эту статью, Джек Уоррен хмыкнул только, да поправил воротник рубашки. Подающий надежду будущий инженер находился на пароходе, следующем в Лондон. Оттуда он, Джек, возьмёт билет до Лиссабона, потом перейдёт испанскую границу и... путь к новым свершениям окажется открыт! А всякие там поляки да калифорнийские фермеры – это ерунда, причём, похоже, неимоверно перераздутая. Ему же нужно заниматься машинами. Заниматься по-настоящему, а не так, как могут обучить в университете Портленда. Раньше-то была надежда, что постепенно наладится и тут подготовка, но нет, теперь ясно, что приличных знаний в своём государстве не получишь. И настоящей толковой работы не найдёшь. Всё, даже то, что как будто у нас самоновейшее, на деле безнадежно устарело. Значит, надо скорее добраться до места, где обо всей этой чуши будешь вспоминать как страшный сон. Ещё бы этот пароход быстрее нёсся вперёд, а не переваливался с волны на волну...

Тремя неделями ранее, Мехико.

Беседа поначалу развернулась на повышенных тонах. Как только мексиканская сторона уяснила, что её положение не изменится как будто, что отобранная янки Калифорния по-прежнему не вернётся, а только поменяет хозяина, причём от нового владельца отобрать её назад будет ещё менее реально, чем от прежнего... Атмосфера в комнате стала предгрозовой. Но следующие шаги прибывшей делегации сразу исправили это положение.

- Мы намерены не просто направить свои вооружённые силы и занять эту территорию. Исходим также из того, для начала, что любое необоснованно конфискованное имущество, которое ранее, до 1848 года включительно, принадлежало жителям Мексики в её нынешних границах, должно быть возвращено, даже если была цепочка добросовестных приобретателей. Церемониться в этом плане с янки мы ничуть не собираемся.

- И как же вы тогда рассчитываете осваивать и заселять эту местность, если всё почти отдадите? — уже гораздо более заинтересованно спросил мексиканский министр. — Ведь вы же точно будете отправлять туда переселенцев, которым понадобятся земля, дома, пастбища, мастерские...

- Во-первых, мы собираемся использовать те постройки и территории, которые были освоены гражданами САСШ уже после установления вашингтонского контроля над Калифорнией. Известная часть таких граждан попросту сбежит, и с их имуществом поступим так же, как с любым бесхозным владением. После установления того, что владелец фактически отсутствует, не распоряжается своим имуществом и не заботится об его поддержании в порядке, мы применим обычную схему передачи в руки добросовестных пользователей. Во-вторых, мы намерены осваивать совершенно новые, ранее никем не использовавшиеся участки земли. В-третьих, планируем договариваться — на началах уже совершенно добровольных — с индейским населением. Отменим какие бы то ни было необоснованные ограничения на его жизнь и деятельность, а взамен получим его поддержку. Как минимум, некоторое количество рабочих рук можно будет таким способом получить, хотя бы для малоквалифицированной работы.

И вот ещё самое важное, это то, что даже если какая-то земля или промышленное предприятие останется в итоге в ваших, в мексиканских, руках, вернее — возвратится прежнему владельцу, то мы сделаем этому самому владельцу серьёзное предложение. А именно, создать совместное предприятие, в котором его долей станет фактически располагаемый актив, а нашей — специалисты, оборудование и новейшие приёмы работы. Доход будет делиться либо в равных долях, либо сообразно вкладу каждой стороны, оцененному по специальной формуле — это уже как договоримся в конкретном случае.

Наконец, собирается наше правительство также разрешить котируемый въезд для определённой части мексиканцев, которые желали бы выполнять, скажем, сезонную или разовую работу. А для остальных — будет возможность приехать сюда на срок до 30 дней, не оформляя въездной визы, на основании своих мексиканских документов. Разумеется, для обучения и любой оплачиваемой или коммерческой деятельности визовый порядок останется обязательным, но без чрезмерного усложнения.

- Тем не менее, - заметил мексиканский представитель, - это всё не отменяет того факта, что вы получите претензию от САСШ немедленно покинуть саму калифорнийскую территорию. Потому как речь пойдёт уже не о возвращении контроля со стороны Российской империи, а об распространении её присутствия на местности, которые никогда ранее ей не принадлежали, и даже не являлись спорными. Да и наши собственные сограждане вряд ли окажутся рады такому повороту событий.

- Что ж, ради этого мы сюда и прибыли! — заявил руководитель имперской делегации. — Наше правительство готово позаботиться о щедрой компенсации в пользу Мексики. При условии, что Мехико согласен на объявление совместной декларации об уступке прав сразу же после того, как будет установлен наш контроль над калифорнийской землёй. Правительство его императорского величества же выступит со своей собственной декларацией, в кото-

рой объявит, что намерено не признавать ни сейчас, ни когда-либо в дальнейшем итоги американо-мексиканской войны 1848 года, и собирается возместить ущерб, причинённый в связи с американской аннексией.

- И каково же будет возмещение? — наострил уши и подобрался министр.

- Во-первых, по нашей просьбе правительство союзническое согласится — есть предварительная договорённость — сократить свою долю в прибылях от серебряных рудников до 8% от их оборота. Дело поставлено там уже крепко, так что это всё равно будет солидный объём средств. Во-вторых, в Санкт-Петербурге решено поставить для мексиканских войск определённое количество тяжёлых артиллерийских орудий и построить в течение 5–7 ближайших лет 3 бронепалубных крейсера уровня начала 20 столетия. Одного этого хватит, чтобы надёжно защититься вам в дальнейшем от новых поползновений североамериканских господ. Конкретный объём поставок и другие его нюансы, а также возможную присылку инструкторов обговорим отдельно. Они составят уже предмет особого соглашения. И в-третьих, будет и экономическая часть компенсации, направленная к обоюдной выгоде наших стран.

- Какая же именно?

- Не позднее полугода после подписания основных соглашений начнётся комплексное изучение геологическими экспедициями — всей ранее слабо освоенной мексиканской территории. Процесс не такой уж быстрый, но обязательно даст те или иные плоды. Также в течение 6–12 месяцев будут развёрнуты работы по поиску новых лекарственных растений на территории Мексики, а для их переработки — планируется строительство 1–2 фармацевтических фабрик. И ещё — наши союзники предложили идею с созданием сразу двух медицинских центров. Один будет помогать самим мексиканцам, на безвозмездной основе проводя диагностику и лечение в сложных и критических случаях. Другой — уже на коммерческих началах — станет оказывать помощь иностранцам, способным заплатить приличную сумму. В этом случае те же американцы, да и довольно многие европейцы, охотно воспользуются подобным предложением. Выгода для Мехико — уплачиваемые клиникой налоги, сбор в казну за аренду земли, плюс оставляемые такими путешественниками деньги. Они ведь будут где-то жить, покупать пищу, другие необходимые вещи также...

Ещё предлагаем подумать уже сейчас над программой по ликвидации сыпного тифа, малярии, холеры и дизентерии. Этих постоянных бичей вашей страны, преследующих её уже в течение нескольких веков.

- Ну и какая же собственно выгода для ваших правительств в сём последнем случае? Ведь такая программа определённо выйдет весьма дорогой и сложной?

- Самая главная выгода — то, что мы выступим не просто военной силой, а продемонстрируем, что решительно и настойчиво улучшаем жизнь людей. Это работа на поддержание и укрепление репутации. Ну и, разумеется, возможность для наших же подданных — и для граждан союзнического государства — приезжать сюда, не опасаясь всех этих заразных болезней, тоже дорогого стоит.

- Полагаю, что эти самые клиники придётся тщательно охранять. Европейские правительства пойдут на всё, лишь бы похитить врачей и раздобыть те методы, коими там лечить будут.

- Ну, об охране мы также договоримся, заключим уже отдельное соглашение, когда придёт время.

Глава 10. Адаптация

Томас Кофлин шагал по улице Сан-Франциско и напряжённо размышлял – остаться ему или всё-таки уйти, вернее, уехать в «никуда». До калифорнийских земель новость о Событии дошла в 1854-м далеко не сразу, поначалу многие вообще полагали, что это какой-то розыгрыш или мистификация, слишком необычно всё это выглядело. Он помнил, как впервые тон этих разговоров поменялся – когда в августе 1854 года увидели над морем разведывательный самолёт. Однако о том, что здесь появятся иностранные войска, никто не верил, ну почти. Нашлись, конечно, отдельные паникёры, которые рассказывали о «высаживаемых солдатах» и тому подобном. Даже и эти разговоры потом утихли, только в отдельных узких кругах и остались.

Сам Кофлин был человеком сугубо практичным – всё-таки кузнечное ремесло как раз и предполагает твёрдую опору на землю во всех смыслах. В свои 43 года он успел уже скопить некоторую скромную сумму денег, имел четверых детей, которые вот-вот должны будут создать собственные семьи, поселиться в отдельных домах и так далее. В общем, всё как принято. И – вот что теперь делать?

... Три дня назад, 10 октября 1857 года, Томаса разбудил низкий аэропланый гул. Потом где-то в городе раздались один за другим несколько взрывов; несколько напуганный мастер спешно собрался и отправился выяснять, что именно произошло. Столкнувшись на улице с бегущими в панике людьми, он узнал из их сбивчивого рассказа, что нанесён удар по полицейскому участку. Кто-то готовился бежать из города, кто-то надеялся всё же отбиться, хотя и неясно от кого пока что. Впрочем, самому Томасу Кофлину не хотелось делать ни того, ни другого. Он просто отправился разжигать горн: работы сегодня предстояло немало. За следующие несколько часов дело спорилось: две оси со старательских телег починены, скобы для плотника, заказанные ещё на прошлой неделе, выкованы.

Незадолго до полудня в кузницу заглянул старатель – один из тех, кто всё ещё надеялся где-то раздобыть побольше золота. Вот только две его кирки треснули, сначала одна, потом другая. Кофлин, насвистывая, взялся за работу. Но лишь только он вышел наружу, чтобы передать исправленный инструмент заказчику, как со стороны моря внезапно раздалась очень частая стрельба. А вскоре с берега прибежали несколько крайне взволнованных людей, которые жили как раз почти у самой воды. Один из них сказал:

- Какие-то мелкие, юркие суда носятся по гавани. Фрегат «Чесапик» горит.

Кузнец озадаченно взъерошил шевелюру, после чего пожал плечами и вернулся к своей работе. Предстояло ещё исправить конскую упряжь и выполнить несколько других мелких заказов. А бой в море – не первый и не последний; фрегат и моряков, конечно, жаль, но от этого сожаления карман самого Томаса звонкой монетой отнюдь не наполнится. На земле-то ничего вроде не происходит, выстрелы прекратились. Значит, и пираты убрались восвояси, выполнив свою задачу. А если и появятся на суше, то уж точно не к нему отправятся, им больше банк какой интересен или лавка с солидным складом провизии. Да и горожане побогаче тоже сразу привлекают внимание.

Однако же, стоило Кофлину пообедать и выйти обратно во двор, чтобы продолжить ковать гвозди, как в открытые ворота вошли ещё несколько человек, и что-то сразу подсказало кузнецу, что это не покупатели, пришедшие что-либо починить с его помощью. Трое в светло-оливковой форме, с ружьями за плечами, представились «охраной Русско-Американской Компании» и объявили опешившему хозяину:

- Так как Джон Саттер не выполнил свои обязательства и не уплатил положенную сумму, сделка по продаже калифорнийской территории объявлена недействительной, а вся эта земля теперь возвращается под контроль Российской империи.

- Возвращается? Но Сан-Франциско...

- Знаем, что не относился. Но – мы решили взыскать проценты в счёт долга. Правление согласно, а мнение недобросовестного покупателя учитываться не может. У жителей есть выбор – в течение 90 дней либо принести присягу на подданство, либо же покинуть Калифорнию. Во втором случае можно взять с собой личные вещи. Деньги и пищу – только в объёме на 3 месяца жизни в любом городе САСШ, не считая запаса на дорогу. Золото – только то, что намыто лично и не передано ещё перекупщикам или нанимателям. В путь каждая семья или одиноко живущий человек может выехать на повозке, запряжённой не более чем двумя лошадьми, или же на единственной парусной либо вёсельной лодке. Если будут замечены посягательства на посевы, поджоги домов, уничтожение движимого имущества сверх указанного списка – виновные подлежат военно-полевому суду. Кстати, если вы решите остаться, то до конца года ваша кузница должна быть зарегистрирована в пожарном департаменте Компании, а до 1 марта – приведена в соответствие с правилами о защите от пожаров.

Протестовать против такого Томас благоразумно не стал – во всяком случае, если не могли помешать вторжению войска, шерифы и даже целый фрегат американского флота, то что он сделает в одиночку? Правда, срок для принятия решения ещё далеко не истёк, но теперь кузнец отчётливо понимал: это не просто переход земли в руки новых властителей, это ещё и учреждение совершенно новых порядков, которые в корне отличаются от всего, что привычно. И вот этот-то момент будоражил особенно сильно, потому что оставалось неясно – получится приспособиться или нет? Часть горожан уже покинула Сан-Франциско, правда, по большей части это были либо протестантские проповедники, которым очень не нравилась перспектива оказаться духовниками второго сорта, либо же принципиальные приверженцы именно США, либо, наконец, торговцы и промышленники, чьи основные дела как раз и касались восточных и южных штатов, а здесь были лишь второстепенные интересы.

Урядник Оренбургского казачьего войска Степан Карюков не терзался подобными мыслями. В конце концов, на то и воля государя, чтобы отправить его и его людей на службу на новое место. Года три назад, когда произошло то, чему не было и нет до сих пор названия, Карюков целый день простоял перед иконой с зажжённой лампадой. Он отдавал дань уважения донским, терским, кубанским казакам – тем, которые были унесены безжалостной лапой стихии неведомо куда. Однако же с тех пор урядник, хоть и ходил постоянно сумрачный очень долго, не делился ни с кем своими мыслями. Теперь же пришёл новый указ: отправляться в неведомую калифорнийскую землю и стеречь её. Значит, угодно высшим властям счесть, что завершена служба в Оренбурге, что не нужны уже казачьи пики и ружья в этом месте.

Манифест читали на площадях, при большом стечении народа. Всё-таки ясно, что тронуться в поход – очень трудно, особенно когда уже прикипел к земле, обосновался на ней и живёшь себе спокойно. Но такова уж доля служивых людей и тех, кто с ними связан: трогаться в путь, как только труба позвёт. В голове Корюкова продолжали звучать строки манифеста:

- А поелику Войско Оренбургское не будет вскорости потребно для защиты пределов отечества от хищных кочевых людишек, то и приуготовано ему дело особое, славное. Отправиться на земли Калифорнийские и там, основав свои станицы и явив всему миру умение казачье жить и обустраиваться – принести пользу земле российской. Служба сия почётна не менее, чем осаженье крепостей или походы на врагов, и вознаграждена будет в полной мере. Те, кто остались без попечения родных, тоже обделены не будут. Им дадено полное содержание, если чей близкий казак сложил голову во благо отечества.

Сейчас же, 5 февраля 1858 года, Карюков наблюдал с крыльца дома, как сажают в новом станичном саду деревья чудные, апельсиновые. Сам он прежде таких ни разу не видел, хотя и был немного наслышан о том благодаря гостям, приезжавшим с юго-запада в Оренбуржье. Участок, где сейчас жил урядник, был забран у прежнего владельца, который поспешил удрать далеко на восток, как только явились сюда русские войска. До Степана доходили уже слухи,

что тот человек в газетах поносит и помоит новый уклад, рассказывает, будто его гнали силой, готовились мучить и издеваться, и лишь-де в последний момент удалось вырваться и спастись. Глупцы те, кто в такие сказки верит! – подумалось казаку. Но мысль тут же улетела куда-то, сменившись совсем иным чувством. Чувством, что всё постепенно становится ровно так, как и должно быть.

Работой в саду руководил Хуан Мартинес – один из тех, кто остался тут даже после прихода новых властей. Правда, чтобы общаться с ним, пришлось хорошенько постараться и разыскать ещё и толмача, но зато своё дело Мартинес (которого всё чаще начинали именовать на привычный манер Иваном) знал крепко. Вот и сейчас, хотя у работников пот катил градом со лба, они не прекращали трудиться. Несколько казаков разного возраста с любопытством и каким-то смутным азартом наблюдали, как саженцы заглубляют в землю почти «по шейку», стараясь всё же оставить её над поверхностью. Потом, когда посадки были завершены, все сообща начали таскать вёдра с водой, наполняя их из предусмотрительно наполненных бочек.

Степан поднял глаза на крышу дома: там уже около трёх недель находилась большая металлическая бочка, покрашенная в чёрный цвет. Как ему объяснили, это «летний душ», подобные которому теперь устанавливаться будут во всех владениях Компании. Разобравшись, в чём дело, казак тогда сразу повеселел:

- Добро. Этак и дров меньше тратить нужно будет.

В вышине кружили какие-то едва различимые птицы. Корюков вздохнул и зашёл обратно в дом. Стены из сырцового кирпича оставались слегка непривычными, хотелось бы видеть вместо них добротный сруб из толстого бревна, утеплённый мхом. Но – в этой самой Калифорнии строевого леса, можно сказать, и нет. И как только тут люди выживают... Впрочем, урядник по достоинству оценил главный плюс этого нового жилища своего: там даже в самый суровый зной, когда солнце жарило беспощадно, оставалось удобно. «Комфортно», как всё чаще говорили даже некоторые казаки помоложе. Правда, служивые постарше одёргивали их, морщились от такой вольности.

Степан вспомнил, как впервые осмотрел этот дом. Сразу понравилось то, что тут соединены само основное жилище и хозяйственные постройки. То есть – заезжай и пользуйся, даже в непогоду должно быть полегче. Смущала немного, правда, просторная терраса, опоясывавшая дом снаружи – прежде в уральских станицах ничего подобного и близко не делали. Потому как хотя земли вокруг и было много, но попробуй постройся широко, вмиг налетят степняки, порубят саблей и все дела. Поэтому теснились за частоколами в основном, на пятачках: пусть места немного, зато и спокойнее, и живее будешь.

Внезапно у входа на участок остановилась какая-то подъехавшая повозка, а вышедший оттуда человек постучал в ворота. Спустя пять минут урядник бегло просмотрел вручённый ему приказ: ехать в штаб для выдачи распоряжений.

- Бумагу девать некуда, что ли? – проворчал он. А руки уже вставляли шашку в ножны привычными, скупыми движениями.

В штабе собрались офицеры так называемой Калифорнийской группы войск. Урядник оглядел их... никого знакомого нет, но один офицер – носит Владимира с мечами, а другой – медали «партизану отечественной войны» и «за оборону Заполярья». Командующий группой войск генерал Дубасов сразу взял быка за рога:

- Мы прочно держим уже эту землю, вроде бы. Но пора и позаботиться об её защите по периметру. Кто тут главный из казаков?

Обычно на этот вопрос полагалось ответить атаману Григорьеву, однако тот находился в отъезде и не мог присутствовать на совещании. Поэтому откликнуться пришлось всё же Корюкову. Генерал обратился к нему с подчёркнутой сухостью:

- Ну и где же живут ваши казаки, урядник? Выбирают самые удобные дома в хорошо обустроенной части этих земель, не правда ли?

- Мои казаки, ваше превосходительство, ещё не все приплыли из-за моря, - попробовал вступить за их честь урядник.

- Ну и отлично. Значит, напишу приказ, чтобы каждый казак селился на границе внешней. Только по особому моему разрешению можно будет избрать более спокойные участки, и то при условии, что есть больше трёх малолетних детей, или кто-то немощен в семье и очень дряхл. Да и то, лишь пройдёт повод, пусть сразу едут рубежи держать. Не затем казна тратилась на этот ваш проезд, чтобы вы только одной интересной торговлей занимались бы.

- Так мы же не против. Просто будем жить здесь, а если позовёт царь нас под знамя, тогда и пойдём в бой со всею страстью. Уж вам ли не знать, как мы умеем сражаться с врагом, и как начинают нас бояться, если побывает в деле хоть одна казачья сотня?

- Так-то оно так, но лучше бы держаться вам на самой границе. Чтобы не только по приказу сверху, но и по прямой надобности в бой вступали. А она, надобность эта, может вскорости уже и настать!

Степан Корюков подобрался, он понял, что сейчас прозвучит нечто действительно важное. И – отнюдь не ошибся.

- Нашим союзникам удалось узнать, что в Северо-Американских Соединённых Штатах создан особый «союз изгнанных». По бумагам он нигде не проходит, что позволяет правительству в дальнейшем утверждать, будто оно ни о чём подобном не в курсе. Однако же союз не просто собирается издавать газеты и объяснять своим согражданам мнимую опасность соседства с Российской империей. Нет, под его знамёнами уже собираются несколько тысяч человек, которые готовы к налётам на наши земли. Собираются, подобно кочевым племенам, вытапывать посевы, сжигать дома и амбары, засыпать колодцы, уводить в полон людей.

- Ну, если так! – урядник даже притопнул ногой от предвкушения будущей славной сечи и возможности проявить себя, - тогда казакам негоже отсиживаться в стороне. Сам поведу полусотню лучших добровольцев на перехват сих новоявленных татар. Померяемся меткостью, умением рубиться в рукопашную и скакать по степи.

- Вот это другой разговор! – добродушно прогудел генерал. – А то взяли моду, отсиживаться в тишине и в покое, полагаясь на то, чтобы солдаты или кто-то другой ещё вместо вас всё и оборонял.

Остальное совещание прошло уже в более спокойной обстановке. По карте распределяли, кому какие силы куда направлять, сколько оружия брать. Дубасов строго предупредил подчинённых:

- Прошу ещё, господа, не вторгаться на сопредельную территорию. Даже если очень важно и даже если преследуете опасные шайки. Пусть уходят – до поры, это лучше, чем заполучить доказанное обвинение в лицемерии. Пока нападки отбивать несложно, так как все видят их смехотворность и надуманность. Но стоит нам хоть раз оступиться, подействовать неосмотрительно, и тогда начнутся крайне серьёзные проблемы. Перед всем внешним миром в одночасье потеряем репутацию приличных людей, держащих своё слово и не лезущих необоснованно к соседям.

- Понял, ваше высокоблагородие! – кивнул Корюков. – Будем следить за собой и не проникнем через установленную государем императором границу. Только эти... сопредельные – они ведь могут что угодно сочинить.

- Конечно, могут. И уже сочиняют совершенно адовы небылицы. Ваша задача – не давать им повода подтверждать эти небылицы хоть чем-то настоящим. Ни одного подлинного свидетельства о том, что мы как-то по особенному жестоки или беспринципны, давать им нельзя. При этом требую всё же, чтобы и сама граница держалась, однако, со всею возможною строгостью. Чтобы каждый, кто вздумает произвольно пролезть, похитить или убить, получал свою заслуженную пулю сразу же. И если будете кого тащить в суд, то следите, однако, чтобы не задохся по дороге. Иначе вою будет...

Глава 11. Переселенческая реформа и новая программа

Григорий Горохолмов забросил в раздражении книгу, она его отнюдь не успокаивала. Похождения Рославлева всегда нравились ему, но теперь... теперь даже они не были в силах отвлечь от надвигающихся грозных неприятностей. Стоял конец февраля 1858 года, и в Петербурге уже однозначно решили реформировать основы землевладения. Не помогли всеподданнейшие адреса из десятков и сотен дворянских собраний. Не остановили этот пагубный курс публикации в ряде журналов – более того, все статьи, которые выходили за пределы туманных намёков, сразу же цензура заворачивала.

Григорий поправил шлафрок и попробовал было сесть за Поль де Кока. Но даже это лёгкое чтение не шло сегодня, вот категорически никак. Помещик достал из стола письмо, полученное вчера вечером с оказией, и начал читать. «Император, окончательно подпавший под влияние иностранное, собирается объявить уже 2 марта, что каждый крестьянин, кто пожелает, будет вправе переселиться из любого места западнее Урала в наши новые калифорнийские владения. Там ему немедленно надлежит стать свободным землепашцем. От этих ужасных известий уже весь Петербург в негодовании. Но государю всё равно как будто, несчастья его верных слуг ничуть не печалят сердце Александра как будто».

Горохолмов отложил на время письмо, которое перечитывал теперь уже третий раз. И только сейчас по-настоящему начинал понимать, что всё это всерьёз, а не какая-нибудь глупая шутка, что правительство действительно берётся действовать очень даже круто. Помещик поглядел в окно, за которым сыпались крупные хлопья снега, а потом вернулся к чтению, не забыв отпить немного кваса из стоявшего на прикроватном столике кувшина.

«Мерзавцы из южных земель заставили нашего доброго государя ещё и снабдить презренных деревенских скотов так называемыми подъёмными деньгами. Каждый из этих ублюдков, кто поедет в дальнюю страну по призыву властей, получит не только довольно щедрую сумму на проезд, хотя следовало бы с них самих состричь её, конечно же. Обезумевшее в своём сатанинском упорстве новое правительство рассчитывает передавать сиволапому мужицью домашний скот и орудия для работы, причём практически безвозмездно, не считая самого скромного залога, да и тот взимать будут лишь с самых зажиточных, кто и так мог бы легко переселиться за свой счёт.

Но и этого мало. Теперь станут забирать у скудной части дворянства все пособия и помощи, коими так отличалось предыдущее царствование. Поистине, как раз тогда и было раздолье для настоящих русских людей, а сейчас будет царство лапотного быдла, пропахшего навозом и провонявшего потом. Но даже и этого мало, любезный Григорий! Намечено действие ещё более злобное и коварное: те помещики, которые не смогут показать хотя бы отсутствие убытков на протяжении трёх последних лет, и не станут подтверждать этого каждый следующий год, будут лишаться своей земли и крепостных! То и другое решено уже твёрдо и неотменимо отписывать в казну! Таким способом вознамерилась власть погасить займы тех, кто уже более одного раза заложил своё имущество. И... приготовься, с тяжёлым сердцем сообщая тебе эту глубоко скорбную новость.

Теперь Дворянский и Крестьянский банки должны до 1 июня ревизовать каждую выданную ссуду, невзирая на нужды тех, кому они даны, и даже на именитость происхождения. Если будет обнаружено, что какое-либо имение заложено два раза хотя бы, то владельцев будут признавать мошенниками. Всего лишь за одно намерение сохранить своё хозяйство, не продавая его, а получая вспомоществование ничтожное из казны! Банкам будет дадено право подавать в суд на тех, кто закладывал землю дважды и больше. Причём проверять, что самое паскуд-

ное, а также судить, теперь будут в таких случаях лишь те, кто обучался на якобинской земле. Затмением разума государя разве можно оправдать то, что несчастное дворянство российское желают заставить отдать поместья в Комитет временного наблюдения. Причём воры, которые составляют этот комитет, тоже учились сплошь у позорных нигилистов.

Сделана, впрочем, небольшая оговорка, что совсем забирать поместья не будут, и что жить в домах своих хотя бы позволят по-старому. Но с владельцев начнут собирать плату, равную той, как если бы кто-то арендовал бы тот же дом и землю вокруг него. И при этом такая плата не освободит от тягостной обязанности копить на выкуп. Через 15 лет с момента передачи земли и имения в Комитет временного наблюдения, если помещик не внесёт разом полную стоимость имущества, то оно уже будет объявлено казённым, и никакие жалобы впредь приниматься не будут.

И можешь ли ты, душа моя Горохолмов, представить зрелище настолько омерзительное и убогое!

Но должен я быть с тобою откровенен до конца. Государь, похоже, подлинно сошёл с ума, или же напичкан пилюлями новомодными, которые ему щедро передают коварные доктора. Он соизволил отписать статью в «Отечественных записках», кои в последние несколько лет, пользуясь бездеятельностью цензуры, превратились в помойный листок самых отъявленных анархистов. И то, что там расписано от его имени, могло бы быть разве что сумасбродом низкопробным сочинено в пьяном бреде. Засим кланяюсь и остаюсь верный ваш друг,

Из статьи «Дела русского государства».

Гвардии отечественной принадлежат славные страницы истории. Она отличалась много раз в боях с опаснейшими врагами. Но прискорбно то, что эта грозная сила теперь ржавеет, подобно мечу, который давным-давно не вынимали из ножен. Посему надлежит поскорее показать миру, на что способен отечественный гвардеец. Так как войны нет теперь, переведены были все гвардейские полки из Санкт-Петербурга на учение в окраинные части Санкт-Петербургской губернии, в окрестности городов Ревель и Гельсингфорс. Однакоже одним учением, даже славно проведённым, доблесть воинская создана быть не может. Посему сочтено было важным одну часть полков гвардейских расположить теперь в городах Гельсингфорсе и Тампере, дабы они ввиду близости армий Шведской и Норвежской, а равно и вероятности появления армий иных Держав имели бы бодрость, всякому солдату и офицеру необходимую.

Другую же часть полков сих разумно будет расположить в городах западной части Витебской губернии. Тех самых, где пронёсся только что вихрь самого пагубного и безрассудного безначалия, где дворянские роды польские, презрев все те благодеяния бесчисленные, которые произведены для улучшения тамошних мест, дерзнули поднять руку на людей военных и мирных во имя самых невероятных побуждений. Кровь в тех землях льётся всё ещё, невзирая на старания верных присяге солдат и жителей. Посему необходимо и гвардии прибиться к числу тех, кто охраняет знамя русское от его ненавистников. Оберегая покой в Кракове, Варшаве, Белостоке и других местах, гвардейцы приумножат славу великую свою.

К великому сожалению, в гостиных Петербурга и других городов российских ходят упорные, хотя и маловразумительные слухи, будто реформы последних лет направлены на умаление и даже полное уничтожение дворянского сословия. Ничего общего с действительностью сии заявления разных болтунов и хлыщей не имеют. Не упразднение дворянства нужно сейчас, а его очищение и перемена в более благотворном духе. Существовало время, когда она среда давала героев, расчищавших путь стране, шедших вперёд даже под угрозой гибели, выгребавших из самых трудных жизненных тупиков. Однакож теперь немалая доля носящих знатные фамилии людей не просто не выказывает доблести и достоинства, но и всячески бежит от любого дела, где таковые нужны остро. Тысячи людей стремятся сохранить необъятную власть над другими, даже без ответственности за злоупотребления и жестокости свои. В ряде стран зарубежных такое упорство закоренелое и в самом деле давало повод отбросить дворянство

в сторону, измолотить его в жестокой сече и всячески помешать его возрождению. В нашем любезном отечестве, как теперь подлинно известно, благородное сословие тоже может оказаться недостойно тех великих задач времени, с коими столкнётся. Но всё ещё можно поправить, если переплавить руду засорённую и получить металл добротный. Теперь это получится сделать, работая над собой, и каждый дворянин российский, который не хочет встретиться с гильотиной или штыком – не сам, так в лице своих потомков – просто обязан отбросить дрянную мысль, будто большие права могут быть без обязанностей и ответственности. Нельзя сказать, каковая часть людей формально благородных пройдёт через сие горнило хорошо, а какая осядет в нижней части горна и будет показана как пустая порода, шлак. Но уверен – найдётся немало и тех, кто с честью выдержит эту ношу.

Увы, не во всех частях нашей страны это одинаково возможно. Как бы не хотелось видеть лучшее в людях, на что указывает прямо и долг христианский, но в землях бывшего Царства Польского слишком много тех, для кого желания сиюминутные значат гораздо больше, чем чувство ответственности. Даже осторожность, коя всякому живому существу присуща обычно, отступает, когда они чувствуют себя безнаказанными. Но теперь этому точно не бывать! И любые намёки на особые права, которые унаследованы с давних времён или вручены иными правителями, не могут признаваться более как право на дворянство. Надобно пересмотреть дела и списки, для начала, чтобы отделить подлинно обладающих сим достоинством хотя по бумагам от тех, кто когда-то небылицу сочинил и на этой небылице верхом в высший свет и пробрался. И ещё стоит посмотреть особливо – ежели кто был подлинно в достоинство шляхетское возведён, то когда и чего ради. Если это было дело даже и польское собственно, но на пользу страны и её жителей, или ради защиты от шведских и немецких поплзновений, дело одно. Тех же, кто стал носить благородную фамилию оттого, что его предки вступили в противоборство ратное с отрядами россиян, надлежит такового достоинства наследственного лишить. Однакож, если кто собственными доблестями нынешними выслужил уже дворянство по табели, то тем таковое и оставлено будет.

Чего же непременно приуготовлять надобно, так это законное единство. Со времён Речи Посполитой на её землях остаются всё ещё законы и статуты, каковые не совпадают с законами, в иных краях империи всероссийской действующими. Правоведам желательно разобрать, каковая часть из сих старых законов сохранена должна быть в силу ли безобидности или гражданской надобности теперь, а какую положительно извергнуть предстоит, чтобы не давать крамоле лишних дорог. Отдельно взглянуть предстоит и на награды, кои многие знатные поляки носят невозбранно по сей день. Безобразие в том, что посейчас сотни людей, получивших ордены и медали из рук королей польских, продолжают хладнокровно показывать их, являясь на балах, идя по улицам и во всех прочих местах. Сенату пора продумать правила, дабы только такую награду при людях показать можно было, каковая получена опять же за доблесть совместно с русскими войсками проявленную, или же за дела безразличные к тому. Кто же дерзнёт выйти с орденом или прочим знаком, выданным за противоборство воинству российскому и власти законной, такового надлежит на первый раз, знак негодный отобрав, 20 дней держать под арестом и ни в коем разе не допускать во время оногo встреч с родными. Особливо же воспретить надо каждое отличие, которое дано императором Франции между 1800 и 1814 годами, несмотря на случай, ради какового сие награждение делали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.